

Н. А. Лухманова.

Лухманова

32

Недочеты жизни современной женщины.

Вліяніє новѣйшей литературы на современную молодежь.

(ДВѢ ЛЕКЦІИ).

ИЗДАНИЕ Д. П. ЕФИМОВА, МОСКВА, Б. ДМИТРОВКА,
Д. БАХРУШИНЫХЪ.

1904.

заходящаго солнца, вы слышите звуки набата. Страшные, дребезжащiе, жидкiе, безпомощные удары—несутся съ церковной колокольни и, какъ раздирающiй душу голосъ, кричатъ: „Горимъ! Горимъ!“ Безпомощно, безвѣстно погибнемъ здѣсь всѣ, на утро старые и малые останутся безъ крова, безъ пищи!..... Мигомъ вся дремотная лѣнь слетѣла съ васъ, въ мозгу проносятся страшные образы: соломенные крыши, маленькiя разохшияся ведра, загоны изъ дранокъ, за которыми стоитъ скотъ, узкiе колодцы, какъ единственныя хранилища воды, и неумѣлая, безтолковая, недисциплинированная помощь обезумѣвшихъ отъ страха людей.

Не напоминаетъ ли вамъ эта картина нашу собственную жизнь?

Можетъ-быть краски слишкомъ густы, можетъ-быть набатъ не возвѣщаетъ общаго бѣдствiя, можетъ-быть для всякаго такого случая найдется у насъ хорошо организованная, вѣрная помощь—можетъ-быть! Но тѣмъ не менѣе недочеты общей современной жизни велики. Но я—женщина и, мнѣ кажется, что недочеты женской жизни такъ особенно болѣзненны, что не мѣшало бы намъ, женщинамъ, сомкнуться и разобраться въ нашихъ дѣлахъ.

Если мы сразу взглянемъ на современную жен-

скую жизнь, намъ покажется, что достигнутые результаты въ борьбѣ за трудъ и самостоятельность женщины—громадны:

Если, пріюты—дневные и ночные, столовые, школы, воскресныя занятія и развлеченія растутъ и развиваются.

Въ институтахъ расширены курсы, введено широкое преподаваніе гигиены и домовѣденія, въ гимназіяхъ заводятъ рѣчь о томъ, чтобы уничтожить золотую медаль, потому что обидно давать награду одной, когда ея достойны въ равной степени 10—15 человѣкъ.

Жажда ученя среди женщинъ громадная, ученя сопряженнаго съ упорнымъ трудомъ, такъ какъ онѣ требуютъ уравненія его съ мужскимъ.

На курсахъ нѣтъ отбоя отъ желающихъ поступить, а образовывающіеся комитеты со всѣмъ рвеніемъ, со всей добросовѣстностью хлопчутъ о развитіи столовыхъ, общежитій и кассъ для немедленной помощи.

Всюду русская дѣвушка работаетъ, русская женщина помогаетъ ей и оберегаетъ ее.

Возникаютъ женскія общества и протягиваютъ руку помощи интеллигентной труженицѣ.

У насъ не открылось въ Россіи еще ни одного женскаго клуба, гдѣ женщины съ комфортомъ мо-

гли бы танцовать, играть въ карты и флиртовать.

Нѣтъ, каждое новое общество вноситъ въ свой уставъ новую задачу для облегченія, какъ въ отношеніи здоровья, такъ и въ отношеніи труда женской жизни.

Законъ, какъ кажется, идетъ навстрѣчу всѣмъ этимъ начинаніямъ пересмотромъ бракоразводныхъ дѣлъ и улучшеніемъ положенія незаконнорожденныхъ дѣтей.

Вотъ съ поверхностнаго взгляда мирная, идиллическая картина жизни современной женщины.

Женская эмансипація, какъ мощная рѣка идетъ правильнымъ теченіемъ, прорывая себѣ глубокое дно и расширяя берега. Какъ мелкіе ручьи, отовсюду впадающіе въ нее и увеличивающіе ея полноводье, идетъ частная работа и усилія отдѣльныхъ личностей служатъ тому же дѣлу, а между тѣмъ мы слышимъ звонъ набата, мы сердцемъ нашимъ чуемъ горе и гибель. Опять повторяю: не пришло ли время намъ сплотиться и разобратъя совмѣстно въ нашихъ дѣлахъ.

Какъ первый недочетъ жизни современной женщины я беру первичное воспитаніе дѣвочки, которое состоитъ въ томъ, что при первомъ появ-

леніи на свѣтъ нашихъ дѣтей мы начинаемъ уже дѣлать между ними различіе пола.

Справедливѣе будетъ сказать, что различіе это мы подчеркиваемъ даже до рожденія ребенка: лента на чепчикѣ, рубашечкѣ, даже на крестѣ при крещеніи полагается уже въ принципѣ для дѣвочки розовая, для мальчика—голубая.

Всѣ обряды для дѣвочки и мальчика измѣняются, въ семьѣ и въ бѣдной, и въ богатой наступаетъ хотя короткое, но тѣмъ не менѣе ясно выраженное разочарованіе, когда первую является дѣвочка,—желателенъ всегда мальчикъ.

Если ребенокъ некрасивъ, но мальчикъ, это никого не огорчаетъ, всѣ говорятъ: на что мальчику красота,—ему нужны умъ и сила; если дѣвочка—дурнушка, всѣ искренне огорчены: кому будетъ нужна умная рожа? а сила ея и подавно... ей не камни ворочать...

Какъ только дѣти начнутъ ходить и прыгать, имъ не стануть придумывать удобной, здоровой одежды, нѣтъ, имъ надѣнутъ мужской костюмчикъ и женское платьице.

Если еще мальчика допустить до извѣстныхъ лѣтъ быть счастливымъ, безполымъ существомъ подъ общимъ именемъ „ваву“, то ужъ въ дѣвочкѣ, напротивъ,—начнутъ сильно подчеркивать ея полъ

вышивками, кружевами, перьями, иначе говоря, — начать искусственно прививать къ ней страсть къ тряпкамъ, блесткамъ и побрякушкамъ.

Не только игры дѣтей дѣлятся на игры мальчиковъ и дѣвочекъ, но и самыя игрушки въ магазинахъ продаются для мальчиковъ и для дѣвочекъ.

Въ безыскусственномъ царствѣ животныхъ мы видимъ совершенно другую картину. Котята, щенята, тигрята и львята всѣ звѣреныши, которые впоследствии будутъ обладать гибкостью или страшной силой и свирѣпостью до своего полового развитія остаются безразлично молодыми животными; у нихъ—одинаковая грація, одинаковая хитрость и совершенно одинаковый видъ.

У хищныхъ животныхъ качества эти—у самки по достиженію ею половой зрѣлости развиваются даже сильнѣе, чѣмъ у самца, потому что на ея долю выпадаетъ и прокормленіе и защита дѣтенышей.

Въ людскомъ же обществѣ совершенно наоборотъ: мы съ самыхъ раннихъ лѣтъ стараемся изнѣжить, обезсилить дѣвочку, дать ей понять ея полъ, заставить ее свыкнуться съ мыслью о своей слабости, беспомощности и подчиненности. Она съ молокомъ матери всасываетъ въ себя убѣжде-

ніе, что вся общечеловѣческая дѣятельность принадлежитъ мужчинѣ, а для нее есть своя особая, женская сфера, съ женскими понятіями и женской дѣятельностью.

Учить, управлять, производить — удѣлъ мужчины.

Украшаться, подчиняться и получать готовое производство—участь женщины.

Мужчина можетъ писать, женщина должна шить.

Мы приучаемъ дѣвочку ходить, держаться, говорить и смотрѣть совсѣмъ иначе, чѣмъ мальчика. Мы предоставляемъ мальчику свободу расти, развиваться и выяснять свою самостоятельную личность, мы *выдѣлываемъ* дѣвочку, старательно выливаемъ ее въ старую, хорошо извѣстную намъ форму и тщательно подавляемъ въ ней всякую самобытность.

То, что мальчикъ смѣетъ, о томъ дѣвочка не должна и помышлять; мальчикамъ мы внушаемъ покровительство надъ дѣвочкой, а дѣвочкѣ—слѣпое довѣріе въ превосходство мальчика и такимъ образомъ, заранѣе готовимъ властелина и рабу; мужчина съ колыбели привыкаетъ смотрѣть на женщину, какъ на существо, которымъ надо руководить, и женщину приучаемъ всегда разсчитывать

на помощь и защиту мужчины. Мальчикъ долженъ быть храбръ, трусливая, робкая дѣвочка кажется особенно прелестной. Мальчикъ долженъ быть правдивъ, дѣвочку мы сами учимъ хитрить и лукавить, называя это ласковостью и застѣнчивостью. Мальчикъ можетъ рвать и бить свои игрушки, кричать, драться, много ѣсть, пить, много бѣгать, это все качества „молодца“, дѣвочка—должна подавлять всѣ свои порывы, быть во всемъ граціозна и умѣренна, иначе она будетъ несносна, невоспитана и ее начнутъ обуздывать всѣми мѣрами. Мальчику мы даемъ палку, мячъ, лапту,— дѣвочкѣ куклу, которую она сентиментально нянчить и цѣлуетъ.

Есть мнѣніе, что игра въ куклу это—трогательная эмблема материнства, но тогда спросите любую дѣвушку, имѣвшую въ дѣтствѣ много куколъ, гдѣ теперь всѣ ея фарфоровыя, деревянныя и тряпичныя дѣти, и она расскажетъ вамъ длинный мартирологъ этихъ разбитыхъ, искалѣченныхъ, подаренныхъ, выброшенныхъ, пропавшихъ безъ вѣсти дѣтей. Если мы связываемъ съ куклой идею будущаго ребенка, то не должны дарить ей маленькихъ, нарядныхъ дамъ, а это долженъ быть толстый ваву, съ которымъ ее надо научить играть, т.-е. по всѣмъ правиламъ искусства выучить ее

пеленать, носить, купать этого ребенка, пѣть ему пѣсни, обшивать, но непременно самой, мѣнять его бѣлье и опять-таки самой же стирать его и гладить.

Такая игра, въ которой принимала бы участие и мать, была бы, конечно, для 8—9 лѣтней дѣвочки первыми практическими уроками ухода за ребенкомъ, но въ эти годы у насъ дѣвочки уже рѣдко играютъ въ куклы, это—періодъ, съ котораго начинается бессистемное чтеніе плохихъ дѣтскихъ книгъ и ломанье заводныхъ игрушекъ, а до этихъ лѣтъ мы наполняемъ комнаты нашихъ дѣвочекъ кукольными одалисками, валяющимися день и ночь въ шелковыхъ платьяхъ и юбкахъ по коврамъ и диванамъ.

Словомъ,—съ самого рожденія ни на минуту не даемъ дѣвочкѣ быть человѣкомъ, не хотимъ даже въ первые, бессознательные годы дать ей тѣлу и духу полную свободу развиваться. Мы перерабатываемъ всѣ ея члены: руки, ноги, талью, волосы, какъ и ея характеръ, понятія и поступки на узко спеціально-женскій ладъ и потомъ удивляемся—отчего и откуда идетъ вѣчная рознь между мужчинами и женщинами, отчего два пола, созданные для того, чтобы жить тѣсною, слитною, общечеловѣческою жизнью, не понимаютъ даже

другъ друга и смотреть діаметрально - противоположно на одно и то же жизненное положеніе.

А между тѣмъ жизнь идетъ своими таинственными, неизвѣстными намъ путями, скрывая отъ насъ даже самое близкое будущее. Жизни нѣтъ дѣла до нашихъ людскихъ распредѣленій на сильный и слабый полъ, и часто смерть похищаетъ сильнаго мужчину; оставляя на руки слабой женщины заботу не только о семьѣ, но иногда и весьма сложныя, запутанныя дѣла. Вотъ тутъ-то и проявляется вся ложь женскаго воспитанія. Женщина, избѣженная, привыкшая жить за чужой спиной, не знающая законовъ, не имѣющая никакого жизненнаго опыта, гибнетъ не только сама, но губить и дѣтей, и дѣло. Женщина же умная, съ характеромъ, которую воспитаніе не избѣжило и не исковеркало проявляетъ въ такихъ испытаніяхъ не дамскія, никому ненужныя качества, а общечеловѣческую смѣлалку, умъ, спокойствіе и смѣло беретъ за дѣло, не боясь ни насмѣшекъ, ни неизбѣжныхъ, на первыхъ порахъ, ошибокъ. И такихъ матерей, замѣнившихъ собою въ семьѣ и отца, и работника, мы встрѣчаемъ во всѣхъ слояхъ общества: среди крестьянъ, среди купечества и среди высшей аристократіи. Нечего намъ называть историческія имена такихъ женщинъ,

каждый изъ насъ въ современной жизни встрѣчалъ такихъ матерей и труженицъ, но, къ сожалѣнію, онѣ составляютъ исключеніе, большинство же женщинъ, воспитанныхъ, какъ особа слабаго пола, попавъ въ такое положеніе теряются и гибнутъ, если не встрѣтятъ на своемъ пути новаго мужчину, который возьметъ ихъ подъ свое покровительство. Вотъ почему самыя богатыя матери должны воспитывать своихъ дочерей съ разумнымъ взглядомъ на жизнь, съ хорошо направленной волей и практическими знаніями, которыя всегда, во всякомъ положеніи дадутъ ей возможность не потеряться, не погибнуть самой и не погубить дѣтей. Дочь надо воспитывать, какъ человѣка, а не готовить изъ нее спеціально „барышню“, изъ которой выйдетъ „дама“.

Когда дѣвочки нашего средняго круга подрастаютъ, то являются *три* пути для ихъ воспитанія:

1) домашнее; 2) институтское; 3) гимназическое.

Домашнее воспитаніе бываетъ двухъ сортовъ:

1) когда родители настолько богаты и идейны, что смѣло берутъ на себя воспитаніе и ученіе по серьезно обдуманной, опредѣленной программѣ;
2) когда дѣвочка болѣзненна, съ плохими способностями и не можетъ выдержать режима общественнаго воспитанія.

О домашнемъ воспитаніи трудно говорить, оно всецѣло зависитъ ото личныхъ качествъ семьи и отъ среды, въ которой семья вращается и можетъ дать, какъ самые лучшіе, такъ и самые печальные результаты.

Институтское воспитаніе имѣетъ много за себя, но еще болѣе противъ себя. Хорошія стороны институтскаго воспитанія состоятъ въ добросовѣстномъ среднемъ образованіи, которое тамъ даютъ дѣтямъ, въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ и въ непрерывномъ надзорѣ; изъ института безусловно выходятъ благовоспитанныя дѣвушки.

Этимъ и исчерпывается весь активъ институтскаго воспитанія; пассивъ его гораздо разнообразнѣе.

Прежде всего институтъ это—оразжерее для культивированія женственности, для выдѣлки всѣхъ спеціальныхъ преимуществъ и недостатковъ особы женскаго пола.

Институтская дисциплина убиваетъ самостоятельность, система воспитанія состоитъ въ искорененіи всякой инициативы, всякаго проявленія своего „я“. Поклоны, жесты, манера ходить, держаться, говорить, даже думать дѣлаются общепитутскими, что и накладываетъ на всѣхъ воспитанницъ особый, всѣмъ извѣстный штампъ.

Первый институтъ былъ основанъ императрицей Екатериной Великой. Это былъ первый идейный протестъ противъ господствующихъ тогда жестокихъ нравовъ общества. Дѣвочки самыхъ родовитыхъ семействъ принимались въ институтъ не иначе, какъ послѣ подписки, данной ихъ родителями, что они вполнѣ отрекаются отъ воспитанія своихъ дѣтей въ теченіи 9-ти или 11-ти лѣтъ, смотря по годамъ поступавшей въ институтъ дѣвочки.

Институтки воспитывались въ полномъ незнаніи реальной жизни. Начальницамъ и класснымъ дамамъ вмѣнялось въ обязанность занимать сердце и умъ дѣвочекъ полезными, но не обременительными свѣденіями, и всегда соединенными съ пріятными впечатлѣніями. Извѣстія о семейномъ горѣ, даже о смерти близкихъ не передавались дѣвочкамъ въ стѣнахъ института. Первые 40 ученицъ, выпущенныя Бецкимъ изъ института, вызвали злую эпиграмму, о которой и теперь упоминается въ „Русской Старинѣ“: „Пустилъ въ свѣтъ Бецкій сорокъ куръ, все преотмѣнныхъ дуръ“.....

Но эти неземныя созданія, роль которыхъ была смягчать нравы и насаждать культуру были далеко не дурами, и многія изъ нихъ играли въ послѣдствіи при дворѣ Екатерины Великой и при

императорѣ Павлѣ выдающуюся роль, именно, какъ защитницы свѣтлаго и чистаго.

Но со времени Екатерины Великой и до нашихъ дней весь строй общественной жизни измѣнился, а закваска беспочвенности осталась всецѣло въ институтахъ.

Классная дама дрессируетъ дѣвочекъ, но не можетъ воспитывать ихъ въ духовномъ смыслѣ; имѣя классъ въ 20—30 человекъ, она не можетъ задаваться тѣмъ, что каждая душа ея воспитанницы составляетъ отдѣльный, сложный міръ. Она едва успѣваетъ и то со страшнымъ напряженіемъ вниманія и силъ держать въ стройномъ порядкѣ это маленькое стадо, дисциплинировать, поддерживать вниманіе во время уроковъ, укрощать шалости и ссоры, помогать готовить уроки.

Если мы вычтемъ изъ дня часы обязательныхъ шести уроковъ въ день, часы чая, завтрака, обѣда и ужина, рекреации, когда дѣти предоставлены себѣ и подготовленіе къ слѣдующимъ урокамъ, то вы ясно поймете, что нѣтъ возможности найти еще время для интимнаго изученія души и характера каждой отдѣльной воспитанницы.

Классная дама всѣ эти міры подводитъ подъ одинъ знаменатель и для всѣхъ старается подобрать одни и тѣ же правила воспитанія. Если вы

спросите классную даму, дѣлавшую свой выпускъ, т.-е. проводившую свой классъ отъ поступления до окончанія курса,—знаетъ ли она своихъ ученицъ, она отвѣтитъ вамъ: „конечно, да“ и не солжетъ; она знаетъ ихъ поступки и проступки, по нимъ она составляетъ себѣ понятіе объ ихъ характерѣ и способностяхъ, но все это только продуктъ ея наблюденій за поведеніемъ и ученіемъ воспитанницъ, выросшихъ на ея глазахъ. Если бы какая-нибудь классная дама взялась предсказать, какъ въ жизни, въ серьезныхъ вопросахъ поступить та или другая, то могли бы выйти самыя грубыя ошибки: изъ дѣвочекъ, съ аттестатомъ ангеловъ, вырабатываются сплошь и рядомъ самыя чистокровныя вѣдьмочки, изъ первыхъ ученицъ выходятъ пустоголовыя болтушки, изъ лѣнтыекъ—энергичныя женщины, изъ бѣсенятъ, портившихъ кровь своимъ наставницамъ, прекрасныя матери семействъ... Почему?—Потому, что душа дѣвочекъ спала во время ихъ институтскаго воспитанія, а жилъ только темпераментъ ребенка сангвиника, холерика или лимфатика. Институтки, не поступившія на высшіе курсы, могутъ претендовать только на мѣсто гувернантокъ и учительницъ для дѣтей, лектрисъ, переписчицъ, рѣдко переводчицъ, даже компаньонкой

институтка не можетъ быть, потому что характеръ ея неопредѣленъ, и умъ не развитъ. Непрактичность институтокъ, выросшихъ на всемъ готовомъ, извѣстна всѣмъ; привычка жить подъ авторитетомъ заставляеть ихъ подпадать подъ вліяніе первыхъ встрѣчныхъ людей. Стоимость время и денегъ имъ неизвѣстна, зато онѣ хорошо знаютъ, что для благовоспитанной барышни замужество есть самая желанная пристань.

Щедринскіе генералы мечтали о мужикѣ, который все умѣеть, институтки мечтають о женихѣ, съ появленіемъ котораго все устроится.

Прототипомъ института стоятъ, конечно, корпуса, но корпусъ имѣеть право специализировать ввѣренныхъ ему воспитанниковъ, потому что тотъ, кто отдалъ туда своего сына, знаетъ, что обрекъ его на извѣстную карьеру. По окончаніи курса кадетъ производится въ офицеры, получаетъ опредѣленное жалованье, опредѣленное мѣсто и вступаетъ въ сферу дѣятельности, къ которой вполне подготовленъ, мало того, въ полку онъ находитъ товарищество, поддержку, словомъ, — вступаетъ въ полковую семью.

Если бы институты, воспитывающіе специальную институтку, выпускали бы ее въ жизнь при одинаковыхъ условіяхъ, т.-е. съ постояннымъ ка-

зеннымъ мѣстомъ, жалованьемъ и пенсіей, то было бы оправданіе этому узко-шаблонному воспитанію, но воспитывать институтку внѣ жизни и выпустить ее потомъ въ водоворотъ борьбы за существованіе это все равно, что въ клѣткѣ вырастить канарейку, а потомъ выпустить ее въ лѣсъ за добываніемъ пищи.

Но главное, въ чемъ я обвиняю институтъ, это въ его косности.

Я кончила въ Петербургѣ институтъ болѣе 30-ти лѣтъ назадъ и все та же комедія блестящаго поверхностнаго образованія разыгрывается въ немъ теперь, какъ тогда и все производятся тѣ же опыты ввести въ институтское образованіе кройку, шитье, веденіе домашняго хозяйства, гигиену ребенка. Все это, какъ было опытомъ 30-ть лѣтъ тому назадъ, такъ опытами, то примѣняющимися, то отмѣняющимися, осталось въ институтахъ и теперь. И при мнѣ на выпускахъ играли на четырехъ и восьми рояляхъ, декламировали сценки изъ Расина и Мольера, рисовали карандашомъ и акварелью портреты тапан, на публичномъ экзаменѣ выставляли роскошные капоты и бѣлье и тѣмъ не менѣе и теперь, какъ тогда изъ 25—30 выпускныхъ болѣе 20-ти не умѣли и не умѣютъ не только кроить или шить, но даже зашивать, что-

нибудь на себѣ, не сумѣють набросать простого плана и ужь, конечно, не сварятъ себѣ тарелки супа.

Пусть мнѣ отвѣтятъ фактами, что на выпускномъ экзаменѣ любая изъ дѣвочекъ можетъ шить небольшую заданную ей работу, только не дырочки и не фестончики гладью, пусть заставятъ ее вымыть и выгладить себѣ хотя бы перелинку, разобраться въ качествѣ и цѣнѣ провизіи, найти нужное количество для извѣстнаго числа порцій и обстоятельно объяснить, какъ подается ребенку первая помощь въ томъ или другомъ случаѣ! Я думаю, что доказать эти, какъ и многія другія знанія, занесенныя въ ея дипломъ, очень трудно. Безспорно, какъ я уже сказала, институты сыграли въ прошломъ свою громадную, плодотворную роль: они дали Россіи первыхъ образованныхъ матерей, гувернантокъ и учительницъ, но теперь они не согласуются съ жизнью и насильно удерживаютъ женщину въ пеленкахъ дѣтства.

Гимназія хороша уже тѣмъ, что не беретъ на себя задачу окончательнаго образованія, она только переходная степень къ дальнѣйшему развитію дѣвочки и даетъ хорошо подготовленную къ тому почву. Гимназія развиваетъ духъ товарищества, самостоятельность и выносливость, ежедневное хож-

деніе въ школу, во всякую погоду, закаляетъ дѣвочекъ, обязанность самой нести свои книги отучаетъ ее отъ вѣчнаго расчета на прислугу. Затѣмъ громадная разница состоянія и сословнаго положенія учащихся знакомитъ богатую дѣвушку съ крайней нуждой ея подруги, заносчивость привилегированныхъ дѣтей пропадаетъ при видѣ успѣховъ и даже превосходства надъ ними дѣтей низшаго класса. Но гимназія (для приходящихъ), къ сожалѣнію, большею частью только учитъ, предоставляя воспитаніе дому, и тамъ, гдѣ это не идетъ рука объ руку, гдѣ домъ портитъ и развращаетъ ребенка, тамъ школа остается почти безсильной, но гдѣ дѣло идетъ согласно, достигаются дѣйствительно хорошіе результаты.

Гимназистки хуже институтокъ изучаютъ языки, музыку, рисованье и домовѣденіе, но онѣ не такъ оторваны отъ реальной жизни, ближе стоятъ къ домашнему очагу, больше знаютъ и средства своихъ родителей и общую, реальную стоимость всего окружающаго, отношеніе къ мужчинамъ у нихъ проще, ровнѣе, нѣтъ глупаго обожанія, нѣтъ огульнаго поклоненія передъ воображаемымъ идеаломъ, потому что ихъ не запугиваютъ мужчиною, не преслѣдуютъ, какъ институтокъ, за самыя обыкновенныя, простыя встрѣчи и разговоры съ учите-

лями и своими сверстниками другого пола. Всѣ эти запрещенія только подстрекають нездоровое любопытство, упрямство и ведутъ къ глупымъ и ненормальнымъ отношеніямъ. Въ Америкѣ — дѣвушки и юноши предпринимають вмѣстѣ прогулки, устраиваютъ вечеринки и тамъ чрезвычайно рѣдки случаи безнравственнаго поведенія, потому что тамъ молодежи проповѣдуютъ не рознь, а напротивъ, гордое сознаніе собственной самостоятельности въ поступкахъ и чистоты взгляда на семью. Тамъ мужчина, нарушившій чѣмъ либо правила нравственности, также осуждается всѣмъ обществомъ и наказывается презрѣніемъ, какъ и виновная женщина. Кромѣ того, онъ, по соглашенію, или обязанъ жениться на скомпрометированной имъ дѣвушкѣ, или платить денежный штрафъ и во всякомъ случаѣ чувствуетъ презрѣніе общества къ своему поступку. Вотъ если бы и у насъ мужчины допустили среди себя такіе же взгляды на обязательную отвѣтственность своихъ поступковъ, если бы они не покрывали своихъ сыновей и товарищей, а высказывали бы явное презрѣніе къ легкости взглядовъ на извѣстныя отношенія, то общій уровень нравственности сразу бы повысился.

Такъ какъ гимназія непременно требуетъ доба-

вочнаго курса то тамъ, гдѣ нѣтъ возможности перейти въ высшія учебныя заведенія, необходимо добавить профессиональные курсы, такъ какъ соединеніе одного съ другимъ должно способствовать вѣрному заработку.

Потребность ученія и знанія въ широкомъ смыслѣ слова такъ сильна въ современной женщинѣ, что кончившей курсъ теперь считается только дѣвушка, прошедшая высшее женское образованіе. Гимназія и институтъ остаются переходными стадіями, и если гимназистка, или институтка не имѣютъ средствъ отъ семьи, то заработокъ ея будетъ невеликъ, и занять прочное мѣсто среди борящихся за кусокъ хлѣба ей будетъ очень трудно.

Идеаломъ всѣхъ ищущихъ труда является полученіе мѣста въ какомъ-нибудь учрежденіи. Какъ это ни странно покажется, но, не смотря на громадную конкуренцію, легче получить мѣсто, чѣмъ удержать его.

Удержать мѣсто трудно потому, что всѣ наши служащія еще піонерки въ этомъ дѣлѣ, за нами не лежатъ традиціи служившихъ матерей и бабушекъ, въ насъ нѣтъ убѣжденія, что мы имѣемъ право и что способны выполнить предстоящія намъ обязанности.

Добившуюся мѣста съ первыхъ шаговъ пугаетъ все; и тамъ, гдѣ мужчина быстро осваивается, не рассчитывая ни на любезность товарищей, ни на внимательность начальства, женщина падаетъ духомъ. Ее связываетъ уже одно то, что для получения мѣста она должна была просить, искать протекціи, она уже не въ прямыхъ отношеніяхъ къ начальству, она глядитъ съ благодарностью на Ивана Ивановича, который принялъ ее по просьбѣ Василя Петровича, она согласилась и на сверхкомплектное мѣсто и на временную работу двухъ-трехъ мѣсяцевъ безъ жалованья, она старается изъ всѣхъ силъ, конфузится, горячится, нервничаетъ, безпрестанно обижается на грубость или на любезность окружающихъ ее мужчинъ и долгіе годы, пока молода и хороша, служба ея все какое-то неустроенное положеніе, все еще зависящее отъ чьей-то доброты, отъ чьего-то произвола.

Вотъ картина неустройства женской службы, нѣтъ для нихъ правильныхъ штатовъ, нѣтъ ясныхъ правъ на поступленіе, содержаніе и повышеніе. Онѣ *допущены* во многихъ мѣстахъ, но еще не призваны служить; штаты служащихъ женщинъ то сокращаются, то расширяются, то открываются, то закрываются. Я не говорю объ ясно выработанныхъ занятіяхъ женщинъ при казенныхъ учре-

жденіяхъ, тамъ можетъ-быть менѣе произвола, но ихъ слишкомъ недостаточно для всѣхъ, ищущихъ мѣсть.

Женщина за послѣдній десятокъ лѣтъ безспорно одержала надъ жизнью громадную побѣду.

Она опростилась, сузила свои требованія, она работаетъ неустанно, и, не смотря ни на какія препятствія, идетъ впередъ. Слабыя не выносятъ борьбы, гибнутъ, имъ на смѣну идутъ другія, болѣе смѣлыя, болѣе энергичныя и горизонтъ все расширяется. Не дошла русская женщина только до того, до чего дошла женщина въ Германіи и во Франціи, а въ особенности въ Америкѣ: нѣтъ еще среди нашихъ трудящихся женщинъ сплоченности и солидарности, совсѣмъ не развита взаимопомощь, нѣтъ предприимчивости, почти нѣтъ общихъ кассъ, которыя развились бы на столько, что могли бы дозволить, на примѣръ, какъ это дѣлается вездѣ за границей, арендовать на лѣто какую-нибудь ферму, гдѣ могли бы по очереди отдыхать всѣ слабыя.

Не развитъ у насъ еще корпоративный духъ и не развито довѣріе. Если при какомъ-нибудь дѣлѣ образуется комитетъ, то немедленно члены общества начинаютъ относиться къ нему враждебно и тормозить его дѣйствія.

Во всѣхъ обществахъ отношенія членовъ къ комитету доходятъ до дѣтскихъ курьезовъ. Я знаю выставки, концерты и балы, которые затѣвались комитетомъ какого-нибудь общества для усиленія средствъ—и блестяще проваливались, потому что члены общества не только не раздавали билеты, не хлопотали объ успѣхѣ, но и сами не явились и потомъ злорадно смѣялись надъ проваломъ предпріятія, задуманнаго комитетомъ.

Мало того—при всѣхъ существующихъ обществахъ работаютъ обыкновенно всего нѣсколько лицъ, и все однѣ и тѣже, работаютъ усердно, безкорыстно и имъ никто не благодаренъ, никто не цѣнить ихъ трудъ. Удивительная, чисто-русская черта нашихъ женщинъ—необыкновенная гордость, соединенная съ необыкновенною требовательностью: онѣ не желаютъ просить, не хотятъ одолжаться и въ то же время готовы всегда бросить въ лицо обществу, членами котораго состоятъ, что оно о нихъ не заботится, что оно знать не хочетъ о бѣдственномъ положеніи такой-то... Надо не только отыскивать средства, помогать, но еще и розыскивать тѣхъ, кому надо помочь. Между нашими дѣвушками и женщинами, выбравшими одну и ту же дѣятельность, замѣчательно мало солидарности. Казалось бы всѣ идутъ вмѣстѣ и

между тѣмъ каждая остается одинокой, настоящая женская дружба встрѣчается гораздо рѣже мужской, а, между тѣмъ, только сплотившись въ общество, только создавъ при всѣхъ корпораціяхъ кассы взаимопомощи, обзаведясь своимъ хозяйствомъ, въ видѣ дешевыхъ квартиръ, дешевыхъ столовыхъ, общихъ мастерскихъ, мы достигнемъ того, что не будутъ больше умирать по чердакамъ и подваламъ молодыя и старыя труженицы, потерявшія работоспособность, не будутъ находить въ трущобахъ и больницахъ умирающихъ буквально съ голода, потерявшихъ мѣсто или работу старыхъ гувернантокъ и учительницъ.

Мы жалуемся и при томъ справедливо, что мужчина и нравственно, и матеріально обезцѣниваетъ нашъ трудъ, что за то же количество часовъ, за ту же доброкачественность работы, гдѣ мужчинѣ платятъ рубль, женщина получаетъ гривенникъ, но надо же сознаться, что въ этомъ болѣе всего виноваты мы сами... Мы сами не цѣнимъ ни наше время, ни нашъ трудъ. Мы такъ привыкли даромъ отдавать и то и другое, что мы даже конфузимся требовать вознагражденіе, мы прежде всего не увѣрены въ томъ, что дѣлаемъ и не умѣемъ отстоять себя отъ эксплуатаціи, мы всегда боимся, что насъ сейчасъ замѣнятъ другими, что

ищущихъ работы такъ много, что стоитъ одной отказаться, какъ за нею потянутся десятки рукъ.

Вотъ это недѣловитое отношеніе къ дѣлу и составляетъ крупный дефицитъ нашей женской жизни.

Мудрая пословица говорить: „Уважай самъ себя, если хочешь научить другихъ уважать тебя“. И это совершенно справедливо: предложеніемъ своего труда по невозможно дешевой цѣнѣ мы сбиваемъ цѣну другимъ безъ всякой пользы для себя.

Женщина разбрасывается, хватаясь за все, между тѣмъ время ясно доказало, что надо специализироваться, сузить сферу предложенія своего личнаго труда, но за то совершенствоваться въ томъ, что предлагаешь.

Баба, пришедшая изъ деревни, можетъ поступить хоть въ няньки, хоть въ кухарки, хоть въ горничныя, ей все равно, потому что она ровно ничего не знаетъ, ей дадутъ три рубля жалованья и начнутъ обламывать, но чуть черезъ два—три года она обломается, изъ нес уже выйдетъ прислуга по специальности: горничная, кухарка или смышленная, расторопная, желающая уже быть одной прислугой.

Мы же, женщины образованныя, продолжаемъ искать работы: переводовъ, переписки, уроковъ

или завѣдыванія хозяйствомъ, словомъ, — сознаемъ, что ищемъ крова и хлѣба и готовы за это дѣлать все, даже то, о чемъ не имѣемъ понятія.

Если бы у насъ были сильно развиты женскія общества и женскія бюро для подавнiя совѣта женщинамъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, кабинеты для консультацій по женскимъ дѣламъ, мы могли бы всегда помочь такой нуждающейся, заставивъ ее разобраться въ своихъ знанiяхъ и найти хоть одно, которое дѣйствительно соотвѣтствовало бы ея способностямъ.

Мужчина станетъ съ уваженiемъ относиться къ женскому труду, когда женщина сама будетъ уважать его и когда трудъ ея дѣйствительно будетъ соединенъ съ тою самоувѣренностью, которую даетъ только знанiе и навыкъ.

Одинъ изъ главныхъ дефицитовъ женской жизни — если даже не самый главный — это любовь.

Любовь есть рѣдкiй даръ, такой же, какъ красота и гениальность, любить умѣютъ только хорошо уравновѣшанныя, возвышенныя натуры, любовь не знаетъ ни измѣны, ни разочарованiй, — то же чувство, что мы привыкли называть любовью, чувство измѣнчивое, скоропроходящее, чувство, которое вспыхиваетъ чуть не при первой встрѣчѣ

между мужчиной и женщиной, идетъ, быстро раз-
ростаясь, и кончается скороспѣшнымъ бракомъ или,
такъ называемой, любовной связью, это чувство
хотя часто приводитъ людей и къ самоубійству и
на скамью подсудимыхъ,—не любовь, а баловство,
игра крови и воображенія, это—самообманъ, гип-
нозъ голоднаго человѣка, который, не имѣя хлѣба,
жуесть цвѣты и увѣряетъ, что это не только уто-
ляетъ голодь, но составляетъ его естественную
пищу.

Если вѣрить людямъ, то любовь—самое обыкно-
венное чувство и всѣ ошибки, разочарованія, не-
счастныя супружества, постыдныя связи, все это
продѣлываютъ люди ради любви, а я скажу наобо-
ротъ,—все это—достояніе людей, не умѣющихъ
любить и не способныхъ даже понять это глубо-
кое, серьезное чувство.

Къ несчастью мы воспитаны цѣлымъ рядомъ
поколѣній женщинъ, которыхъ изъ рабства, изъ
унизительной ничтожности любовь поднимала до
трона. Дѣвушка, красивая и понявшая все значе-
ніе мужской любви, жила только мечтами о ней,
подготавливаясь къ тому, что явится „онъ“ и ра-
скроетъ передъ нею двери, дающія доступъ въ
какой то волшебный дворецъ, полный блеска, ра-
дости и богатства.

Красота съ умѣньемъ нравиться была ступенькой, съ которой можно было шагнуть во всѣ сферы и для этого отъ женщины требовалось только одно: не надо было ни ума, ни талантовъ, ни знанія, — одна красота съ умѣньемъ понравиться и завлечь.

Любовь изображали всегда крылатымъ божествомъ, легкимъ, порхающимъ, любви посвящены всѣ искусства: литература, поэзія, живопись, сказки, пѣсни, драмы, — все любовь... и вездѣ красивая, пустая, легкомысленная женщина одними чарами любви сковываетъ и подчиняетъ себѣ сильнаго, умнаго, властнаго мужчину.

И долгое время женщины были буквально пропитаны жаждой любви. Эту любовь, какъ волшебный плащъ онѣ накидывали чуть не на каждого встрѣчнаго мужчину и кто запутывался въ немъ, тотъ и становился любимымъ человѣкомъ. Словомъ, — я хочу сказать, что любовь была сутью жизни, а мужчина былъ только необходимымъ аксессуаромъ, безъ котораго нельзя было разыгрывать любовныя симфоніи.

Вотъ откуда и идетъ легенда о слѣпой любви, вотъ откуда и вытекаетъ рядъ несчастныхъ браковъ и постыдныхъ связей.

Кто изъ насъ не можетъ привести въ примѣръ

людей, женившихся по страстной любви и быстро разошедшихся по полному несходству характеровъ? Если вы спросите котораго-нибудь изъ нихъ: какъ же вы раньше могли не замѣтить этого, вамъ непремѣнно отвѣтять: „Господи, да я тогда былъ влюбленъ!“

Что же это значить: „былъ влюбленъ?“ Значить любовь и влюбленность совершенно разныя чувства? Къ сожалѣнiю, это правда... Безумно влюбленный можетъ вовсе не любить... Развѣ мы не знаемъ женатыхъ людей, не желающихъ разбить спокойствiя и комфорта своей домашней жизни и въ тоже время влюбляющихся въ дѣвушекъ и входящихъ съ ними въ связь? Опять таки спросите любого изъ такихъ господъ, что заставило его обречь дѣвушку на униженiе, стыдъ, на кражу, такъ какъ она должна была скрывать свои отношенiя, красть его заботу и ласку отъ легальной семьи.

Онъ скажетъ: „я влюбился“...

Спросите ее,—какъ могла она согласиться на эту жизнь?

Она тоже отвѣтитъ: „я была влюблена“...

— Такъ почему же теперь онъ бросилъ васъ, съ ребенкомъ, безъ всякихъ средствъ?

— Потому, что теперь разлюбилъ...

Ей можно отвѣтить:

— Онъ никогда не любилъ васъ!

Послѣ любви можетъ итти ненависть, месть; эти чувства за обманъ, за измѣну, за попраніе любви иногда вспыхиваютъ въ человѣкѣ. Въ гордомъ сердцѣ они ведутъ къ желанію забыть, стереть изъ памяти черты лица, звуки голоса, самое имя когда-то любимаго человѣка. Въ низкомъ сердцѣ и въ грубомъ умѣ они ведутъ къ мести и къ преступленію. Но нельзя допустить, чтобы можно было просто разлюбить... Любилъ, цѣловалъ руки и ноги, называлъ: „мое счастье“, „моя жизнь“, ревновалъ къ подругѣ, цвѣтку, собаченкѣ, а затѣмъ забылъ, бросилъ, встрѣтилъ, такъ почти не узналъ, а услыхалъ, что погибаетъ съ голода или умираетъ въ больницѣ и спокойно поѣхалъ ужинать съ другой, нѣтъ, — это не любовь!..

Въ женской любви всегда есть потребность прочности чувства. Хорошая женщина мечтаетъ о возможности перехода любви къ тѣсной дружбѣ. Она гордится болѣе всего товариществомъ любимаго человѣка, его откровенностью и посвященіемъ ее въ свои мысли и дѣла.

Мнѣ всегда казалось, что мужчина ошибается, думая что женщина ставитъ выше всего чувственную любовь, — женщина только знаетъ, что безъ

недоч. жизни совр. женщины.

такой любви не приобрести ей мужской дружбы, мужского товарищества, но она смотрит на первую любовь, какъ на переходную ступень ко второй, и право жить не стоило бы, если бы не было впереди надежды на жизнь спокойную, на хорошую жизнь двухъ товарищей, которые безусловно вѣрятъ другъ другу, изучили въ мельчайшихъ подробностяхъ взаимные недостатки и умѣютъ ихъ обходить и прощать.

Что можетъ быть для женщины выше сознанія, что есть человекъ, который никогда не броситъ ее пока живъ, никогда не промѣняетъ ее на другую, болѣе молодую, болѣе красивую, что она можетъ вѣрить каждому его слову, спокойно разставаться съ нимъ и радостно ждать свиданья.

Счастью этой интимной, тѣсно связанной, честной дружбы до гроба нельзя предпочитать искусственно - подогрѣваемая тайная радости тайной связи, или временную влюбленность.

Если бы всѣ женщины думали такъ, то онѣ пожалѣли бы себя и своихъ дочерей! Онѣ проклинали бы влюбленность, которая заставляетъ ихъ выходить замужъ или вступать въ связи съ людьми, которыхъ они буквально не знаютъ, т.-е. мысли, мнѣнія, домашняя жизнь которыхъ составляетъ для нихъ даже неинтересную тайну! Онъ, его глаза,

его улыбка и больше ничего! Да развѣ не унижительно, что человѣкъ ничего не даетъ вамъ изъ своей жизни, кромѣ этихъ глазъ, улыбки и словъ?

Безъ любви, безъ всякихъ семейныхъ отношеній женщина нуждается въ обществѣ мужчины, и она должна приучить мужчину нуждаться въ обществѣ женщинъ.

Что такое хорошее общество, если не простое, свободное общеніе женскаго ума съ мужскимъ, женской тонкой, первной природы съ положительнымъ и дѣловитымъ характеромъ мужчинъ?

Еще не такъ давно считалось, что комфортомъ и спокойствіемъ можетъ пользоваться только семейный человѣкъ, что для холостого человѣка нѣтъ ни удобнаго помѣщенія, ни хорошаго стола, ни приличной прислуги. Въ настоящее время не только многіе холостые мужчины живутъ самостоятельно и независимо съ полнымъ комфортомъ, но въ большихъ городахъ образовывается и цѣлый классъ холостыхъ женщинъ, которыя еще съ большимъ умѣньемъ устраиваютъ свой уголь, но все-таки главнаго и у тѣхъ, и у другихъ не хватаетъ: не хватаетъ простой человѣческой жизни, вездѣ царитъ тотъ же культъ флирта и влюбленности, вездѣ отношеніе мужчинъ съ женщинами переходитъ на эту почву, или наоборотъ: и тѣ,

и другія живутъ угрюмо и уединенно, хотя мужчина имѣеть широкій суррогатъ семейной жизни во всевозможныхъ клубахъ, на своей службѣ, за картами; ему есть чѣмъ заполнить свободное время, женщина же послѣ часовъ занятій или службы остается въ самомъ печальномъ, тяжеломъ одиночествѣ.

Если женщины сами не пожалѣютъ себя, не проникнутся уваженіемъ сами къ себѣ, не откажутся отъ влюбленности, отъ игры въ любовь, отъ недостойнаго флирта, то жизнь ихъ всегда будетъ полна только пустыми и унижительными драмами; онѣ должны культивировать дружбу, честную, прямую дружбу, какъ между собой, такъ и съ мужчинами, онѣ должны поставить общечеловѣческіе интересы выше своихъ личныхъ маленькихъ, онѣ должны бросить свою дразнящую, вызывающую манеру держать себя съ мужчинами, должны выучиться смотрѣть ясно и прямо, говорить честно и откровенно свои мысли, должны перестать быть только существами женскаго пола, а сдѣлаться женщинами, полными женской прелести, спокойствія, доброты, снисходительности, готовыми всегда встать на защиту того, кто страдаетъ, нуждается въ покровительствѣ, должны быть женщинами безъ всякаго посягательства на муж-

скіе недостатки: напускную смѣлость, шумливую заносчивость, насмѣшку и пренебреженіе надъ всѣмъ и надъ всѣми, кто нуждается въ ихъ помощи и, наоборотъ, должны переняться мужскими достоинствами: вѣрностью данному слову, систематичностью въ работѣ, выносливостью труда, умѣньемъ не скучать въ одиночествѣ.

Женщина съ такими качествами должна вѣрить въ любовь, должна ждать ее, такая женщина сумѣетъ и любить, и внушить любовь, и любовь такой женщины будетъ дѣйствительнымъ счастьемъ. Любовь придетъ вмѣстѣ съ товарищескими отношеніями и перейдетъ въ хорошую, прочную дружбу, подъ охраной которой будетъ расти и развиваться будущее, болѣе счастливое поколѣнье.

Женщины должны бороться противъ легкихъ связей, преслѣдовать флиртъ, унижающій женщину, и своихъ дочерей воспитывать внѣ раздражающей любовной атмосферы, съ здоровымъ понятіемъ о любви, какъ вѣчной, прочной дружбѣ, какъ основѣ семьи.

У женщинъ вообще шаткій и неустойчивый взглядъ на свою собственную особу и на свою жизнь; онѣ вѣчно сбиваются то на роль рабы и мученицы, то на роль царицы и руководителя, а между тѣмъ, нужнѣе всего быть просто человѣ-

комъ, но человѣкомъ въ силу законовъ природы обреченнымъ на весьма ясно выраженную дѣятельность жены, матери, воспитательницы своихъ дѣтей. Если условія жизни не дали ей удовлетворенія именно въ этой женской сферѣ, то, конечно, ей надо измѣнить направленіе своей дѣятельности и перенести интересъ работы изъ своего гнѣзда на общественные интересы. Если она получила хорошее основное образованіе и войдя въ сознательные годы избрала себѣ спеціальность сообразно своимъ способностямъ, то будь она кухарка (въ широкомъ смыслѣ хозяйства), фермерша, огородница, пивея, докторша или археологъ, она непременно найдетъ примѣненіе своихъ знаній и хорошее вознагражденіе за трудъ.

Но хорошо работать можно только въ сферѣ любимаго труда, для этого необходимо специализироваться. Если я обожаю стряпать и взялась давать уроки ненавистой математики только потому, что мнѣ ихъ предложили, то я буду и сквернымъ учителемъ и дадутъ мнѣ за мой посредственный трудъ гроши. Если же я, не стыдясь своей склонности, поступлю на кулинарные курсы, доведу до совершенства свои знанія, то мнѣ останется только еще одно—поборотъ въ себѣ нелѣпый предразсудокъ объ униженности иныхъ про-

фессій и искать мѣста шефа кухни при хорошо и богато поставленномъ домѣ. И такъ, относительно всѣхъ профессій, слѣдуетъ разъ навсегда рѣшить, что унизительныхъ нѣтъ и что то, что хорошо знаешь и хорошо исполняешь—хорошо и оплачивается.

„Съ ремесломъ за плечами не пропадешь“...— говорить совершенно справедливо русская пословица. Недочеты современной женской жизни состоятъ въ фальшивомъ взглядѣ женщинъ на обязанности семейныя, нравственныя и общественныя.

Я не могу въ деталяхъ касаться разбора всѣхъ этихъ отношеній, я скажу только, что женщина взваливаетъ на себя массу ненужныхъ обязательствъ, приноситъ массу безкровныхъ жертвъ, которыя никѣмъ не оцѣниваются, а только портятъ ея собственную жизнь.

Человѣкъ нравственно и умственно развитой не можетъ жить безъ обязанностей, онъ создаетъ ихъ самъ и самъ первый уважаетъ ихъ. Эти обязанности каждый изъ насъ знаетъ хорошо, это то, что мы называемъ поступать по чести, по совѣсти... Но женщины, по своей слабыхарактерности, позволяютъ наваливать на себя еще совершенно косвенные налоги. Напримѣръ: живя въ семьѣ, она часто считаетъ себя обязанной не при-

нимать у себя тѣхъ, кто ей нравится, не бывать у тѣхъ, кто ей симпатиченъ, терять время на всякіе визиты, тратить свои деньги на приемы или бессмысленные подарки. Для того, чтобы жизнь не сдѣлалась безсодержательной и тоскливой, надо хорошо разобраться во всѣхъ этихъ обязанностяхъ, отличить тѣ, которыя дѣйствительно идутъ на пользу отъ тѣхъ, которыя просто исходятъ изъ капризовъ или мелочности окружающихъ насъ людей.

Чѣмъ больше женщина встряхнетъ съ себя свѣтскихъ, пустыхъ требованій, которыя мы въ силу рутины называемъ обязанностями, чѣмъ строже очиститъ свой кружокъ отъ совершенно ненужныхъ и пустыхъ людей, тѣмъ чище и яснѣе пойдетъ ея жизнь, у ней найдется свободное время на уединеніе.

Чѣмъ болѣе человѣкъ развитъ, тѣмъ болѣе является въ немъ потребность оставаться наединѣ со своими мыслями и занятіями, а женщинамъ, которыя всю свою жизнь были на выставкѣ, такъ необходимо имѣть свой собственный уголъ, въ который не врывается бы суета жизни, гдѣ можно было бы какъ можно чаще быть самимъ собою, такъ сказать на исповѣди самой у себя.

Можно принести одну, двѣ жертвы, хотя бы

въ, ущербъ своему спокойствію или своимъ средствамъ, но нельзя жертвовать постоянно своимъ временемъ, своими привычками, своимъ спокойствіемъ. Женщина, которая вѣчно жертвуетъ родителямъ, мужу, дѣтямъ, предугадываетъ ихъ желанія, потакаетъ всѣмъ капризамъ, въ концѣ-концовъ стирается на нуль, всѣ пользуются ею, но никто не дорожитъ ея спокойствіемъ, не замѣчаетъ ея жертвъ, напротивъ,—приходитъ къ убѣжденію, что иначе она не могла бы и поступать, или же, въ концѣ-концовъ, забитое, поруганное самолюбіе такой женщины возмущается, и она начинаетъ ненавидѣть тѣхъ, кому еще такъ недавно приносила въ даръ свою личность. Надо умѣть очень ясно разгородить свои обязанности и, не становясь ни эгоисткой, ни безсердечной, сильно сузить ихъ сферу, чтобы дать мѣсто своей личной жизни.

* * *

Самою близкою и беззащитною жертвой дурно направленной женской жизни является дѣвушка, которая, по общественнымъ понятіямъ, должна непременно найти себѣ жениха.

Дѣвушки наши такъ воспитываются, что изъ

десяти девять восклицаютъ: хотъ за кого бы то ни было лишь бы выйти замужъ и только одна десятая можетъ быть искренне скажетъ: лучше ни за кого не выходить, чѣмъ брать въ мужа перваго попавшагося.

Съ дѣтства мальчикъ мечтаетъ: кѣмъ онъ будетъ и что сдѣлаетъ? Дѣвочка же:—за кого она выйдетъ замужъ и что для нее сдѣлаютъ?..

Выростая, мальчикъ отдѣляется отъ семьи и ого желаніе жить самостоятельно встрѣчается одобрительно. „Пора и на своихъ ногахъ ходить!— говорятъ родители,—пора свой хлѣбъ ѣсть“. На дѣвушку же смотрять иначе:— „пора родителей пожалѣть, надо жениха найти и замужъ выйти“, т.-е. съ одного содержанія перейти на другое, такъ какъ предполагается, что сама дѣвушка ни прокормить себя, ни руководить сама своею жизнью не можетъ.

Отъ 22 до 30-ти лѣтъ положеніе дѣвушки въ семьѣ становится тревожнымъ: она чувствуетъ, что наноситъ глубокое разочарованіе своимъ родителямъ тѣмъ, что не находитъ себѣ партіи, сама она дрожитъ отъ ужаса остаться старой дѣвой, существомъ осмѣяннымъ, бесполезнымъ и лишнимъ въ семьѣ. Для нее, дочери, выросшей подъ крыломъ семьи, закрыты всѣ пути къ само-

стоятельной жизни, — или замужество, или нравственная смерть! При первом появленіи жениха „все равно какого“, ей говорятъ: „не будь разборчива, бери этого, а то никакого не получишь...“ и она спѣшитъ взять.

При такой постановкѣ вопроса, конечно, исключается всякая искренность и такъ какъ мужчина, какъ бы онъ ни былъ испорченъ, желаетъ все-таки видѣть къ себѣ любовь отъ невѣсты, то дѣвушка и начинаетъ комедію влюбленности, а иногда, какъ я уже говорила выше, и дѣйствительно выливаетъ на перваго попавшагося жениха накопившееся нѣжное чувство и возводитъ въ идеаль челоуѣка, награждая его не только вымышленными качествами, но иногда даже вымышленной красотой и только потомъ, послѣ брака, начинаетъ приглядываться, изучать и разочаровываться.

Вотъ откуда и вытекаетъ миллионъ несчастныхъ браковъ!

Женщины должны освободить отъ этого унижительнаго положенія своихъ дочерей, онѣ должны воспитывать ихъ въ уваженіи къ браку, въ признаніи въ немъ не торговой сдѣлки, а высокаго, страшнаго тайнства, связывающаго на всю жизнь двухъ людей.

Идея о старинномъ „стерпится-слюбится“ или о новомъ понятіи легкости расторженія брака не должна лежать въ основѣ каждого женскаго воспитанія, но каждую дѣвушку, богатую, какъ и бѣдную, надо воспитывать сильной, здоровой, веселой, практичной и дѣятельной, каждой надо дать знаніе или профессію, которая можетъ ее прокормить, каждой вселить убѣжденіе, что бракъ есть великій подвигъ, который даже не всякій можетъ взять на себя, что тутъ нужна любовь осмысленная, провѣренная изученіемъ характеровъ другъ друга, что торопиться дѣвушкѣ бракомъ не за чѣмъ, а разъ вступивъ въ него, надо твердо и честно итти дорогой жены - товарища и матери-воспитательницы.

Когда дѣвушка почувствуетъ за собой поддержку семьи и общества, когда получитъ увѣренность, что сама можетъ устроить свою жизнь своимъ личнымъ трудомъ, она перестанетъ бояться жизни, а когда установятся между нею и мужчинами простыя, нормальныя отношенія съ человѣческими встрѣчами и разговорами, она спокойно, съ достоинствомъ будетъ относиться къ выбору друга, любимаго, уважаемаго товарища на всю жизнь.

Главные недочеты современнаго брака состоятъ

именно въ томъ, что общество стало снисходительно смотрѣть на распадѣніе брака.

Люди, убѣжденные въ томъ, что всегда можно полюбовно разойтись, съ легкимъ сердцемъ и заключаютъ бракъ, т.-е. заранѣе сводятъ лучшее гражданское учрежденіе и церковное таинство на временную сдѣлку, прикрытую вѣнчаніемъ.

Браки, заключающіеся совершенно экспромтомъ или по уговору друзей и родственниковъ и также быстро распадаются съ обоюднаго согласія вслѣдствіе несходства характеровъ, что создаетъ, конечно, женщинъ безъ опредѣленнаго положенія, мужчинъ, свободныхъ для любви, но связанныхъ для заключенія новаго брака и вслѣдствіе этого возрастаетъ число незаконныхъ сожителствъ и рожденій незаконныхъ дѣтей.

Во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы и въ Америкѣ дѣвушки не выходятъ замужъ раньше 22—26 лѣтъ. Мужчина, женившійся на 18-тилѣтней дѣвушкѣ чувствуетъ себя даже нѣсколько смѣшнымъ и для оправданія такого брака выдвигаются причины или ея круглаго сиротства или необходимость его далекаго отъѣзда. У насъ же спѣшать сбыть дѣвочку съ рукъ; никого не удивляетъ жена 17-ти, а иногда и 16-ти лѣтъ, а между тѣмъ

именно при нашемъ воспитаніи это совершенно неосмысленный ребенокъ.

Я помню, какъ одна моя берлинская знакомая, дама хорошаго общества и обеспеченнаго достатка, объявила радость, что дочь ея кончила курсъ въ какомъ-то учебномъ заведеніи и теперь возвращается домой.

— Ну, что же, — сказала я шутя, — теперь будете выдавать ее замужъ?

Знакомая моя заволновалась.

— Да что вы, какъ можно такое несчастье! Развѣ она готова для семейной жизни, ей всего 20 лѣтъ, по крайней мѣрѣ два года ей надо окрѣпнуть, привыкнуть къ людямъ, подъ моимъ руководствомъ выучиться домохозяйству, обращенію съ деньгами, потомъ она будетъ дежурить въ ясляхъ, узнаетъ на практикѣ обхожденіе съ ребенкомъ, ну, тогда съ Богомъ, что судьба пошлетъ, по крайней мѣрѣ пойдетъ замужъ не съ завязанными глазами, а теперь — вѣдь это глупое дитя, не смотря на все ея образованіе.

Наши матери рѣдко говорятъ и думаютъ такъ!

Когда дѣвушка сама свободно будетъ рѣшать: выйти ей замужъ или нѣтъ, когда ей не надо будетъ продаваться въ бракъ ради своего прокормленія, тогда въ новомъ, осмысленномъ супруже-

ствѣ люди найдутъ, наконецъ, то желанное счастье въ соединеніи двухъ половъ, которое они до сихъ поръ напрасно ищутъ. Мужчину перестанетъ пугать бракъ съ дѣвушкой, понимающей значеніе денегъ, умѣющей вести свое хозяйство на данныя средства и къ тому же настолько развитой и образованной, что она можетъ служить мужу хорошимъ товарищемъ, настолько сильной и здоровой, что она не боится ни производить на свѣтъ дѣтей, ни выкармливать ихъ. А главной основой брака будетъ чистота, потому что дѣвушка добровольно и сознательно вступившая въ бракъ по любви и уваженію, не только сама не осквернитъ его, но и мужъ будетъ бояться нарушить такой союзъ, онъ скоро пойметъ всю выгоду такой жизненной ассоціаціи и станетъ дорожить ею.

Чѣмъ человекъ развитѣе, тѣмъ вообще онъ меньше придаетъ значенія своей половой жизни; чѣмъ онъ пустѣе, бѣднѣе духомъ, тѣмъ болѣе эта сторона выдвигается у него на первый планъ.

Мужчины не думаютъ объ этомъ и часто гордятся своей развращенностью, женщины, напротивъ, — обративъ все свое вниманіе на науку, ремесло, на достиженіе своей матеріальной независимости, непременно станутъ еще строже и правильнѣе смотрѣть на жизнь, а для половыхъ по-

бѣдъ мужчинамъ останутся только отбросы женской жизни; для того, чтобы получить хорошую, честную жену и устроить себѣ спокойную семейную жизнь, ему придется тоже оглянуться и сильно измѣнить свой взглядъ на легкость отношеній къ женщинамъ.

Главная побѣда женщины будетъ, если она захочетъ чистоты брака, откажется ради своихъ дѣтей отъ всякихъ побочныхъ недостойныхъ увлеченій и потребуеть того же и отъ мужа. Она будетъ мать не только по плоти, но и по духу, и мужчину заставитъ быть вполнѣ отцомъ.

Женщина устала отъ игры въ любовь и въ влюбленность, она перестаетъ считать это единственной своей приманкой; съ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ у нея снова появятся инстинкты сохраненія своей расы, своихъ дѣтей, а для этого требуется мать нравственная и чистая, и она хочетъ такую быть.

Говоря о бракѣ, естественно мысль переходитъ на ребенка и дѣтскую. За послѣднее время ярче всѣхъ по этому вопросу выступило два голоса, одинъ—патріарха нашей литературы графа Л. Н. Толстого, другой—женщины-врача г-жи Черномордикъ. Такъ какъ Толстой говорить о воспитаніи, а Черномордикъ о нянькахъ, то мы сперва и

займемся ея статьей. По ея мнѣнію, у насъ нѣтъ ни матерей, ни нянекъ. Матери не только сами не несутъ этой обязанности, но даже тщательно не обдумываютъ выборъ няньки; для своего спокойствія ищутъ старую, опытную, которой не надо было бы уже руководить; а эти старыя няньки жадны, грязны, косно-невѣжественны и для своего спокойствія прибѣгаютъ къ разнымъ снадобьямъ, въ родѣ маковой настойки, усыпляющей дѣтей.

Все это совершенно вѣрно, но все это не порождено нашимъ временамъ, а напротивъ, пережитки стараго и въ настоящее время встрѣчается все рѣже и рѣже, развѣ въ такихъ семьяхъ, гдѣ развитіе молодой матери не двинулось, несмотря на весь общій прогрессъ женской жизни, гдѣ сама она попрежнему остается ребенкомъ пустымъ и испорченнымъ и полагается на нянюшку, какъ на авторитетъ дѣтскаго воспитанія. Это уже похоже на шаржъ, точно при наймѣ старей няни мать спрашиваетъ ее: вы, нянюшка, опытни въ воспитаніи младенца? А та отвѣчаетъ ей: какъ же, матушка, сколько ихъ на моихъ - то рукахъ перемерло, такъ уже мнѣ ли не знать, какъ съ ними обращаться!

Я, напримѣръ, лично знаю многихъ молодыхъ матерей изъ нашего интеллигентнаго круга, даже

не бѣдныхъ, которыя вполне могли бы себѣ позволить роскошь имѣть кормилицу и которыя все-таки сами выкармливаютъ и воспитываютъ своихъ дѣтей, у нихъ нянька — только довѣренная помощница.

Недочетъ самый главный перваго ухода за ребенкомъ не въ нянькахъ, а въ томъ, что самыя добросовѣстныя матери дѣйствуютъ по теоріи, что у нашихъ взрослыхъ дѣвушекъ, готовящихся къ семейной жизни, нѣтъ понятія объ уходѣ и обращеніи съ новорожденнымъ ребенкомъ. У насъ дѣвушку въ семьѣ удаляютъ отъ новорожденного, ей какъ бы неприлично заглядывать за эту завѣсу, раздѣляющую поэзію брака отъ реальной сути.

Если бы институтки и гимназистки, кончающія курсъ, дежурили въ ясляхъ, и если бы каждый изъ нихъ былъ порученъ ребенокъ, какъ въ клиникѣ поручается студенту больной, и она должна была бы отвѣтить за его здоровье и за уходъ за нимъ, тогда выработывались бы и матери, которыя сумѣли бы и выбрать няньку и руководить ею.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы наши бабушки и матери были болѣе умѣлыми матерями, нежели новѣйшее поколѣніе, чтобы няньки были умнѣе и опытнѣе, прежде, чѣмъ теперь. Если положеніе ребенка теперь хуже, чѣмъ въ былое

время, то только потому, что экономическія условія жизни измѣнились, нѣтъ болѣе даровыхъ работницъ, нѣтъ дешевыхъ, большихъ помѣщеній и мало въ среднемъ классѣ совершенно обезпеченныхъ матерей, которыхъ не отнимала бы отъ дѣтей ни служба, ни работа. Горе—въ томъ, что мы стараемся найти опытную няню, мы требуемъ опытныхъ врачей, но не дѣлаемъ ничего, чтобы создать опытную мать.

Графъ Толстой говоритъ одной своей знакомой въ письмѣ, написанномъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ, слѣдующее:

„Развѣ необходимо приучать дѣтей къ барскому образу жизни и давать имъ чувствовать, что всѣ ихъ потребности должны быть удовлетворяемы безъ всякаго ихъ участія въ работѣ? Мнѣ кажется, что первое условіе хорошаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы дѣти знали, что все имъ необходимое не падаетъ съ неба, а добывается трудомъ другихъ людей. Понять, что все, чѣмъ ребенокъ живетъ, дается работой другихъ людей, которые его не знаютъ и не любятъ, понять это—ребенку трудно, но онъ можетъ и долженъ понять, что горничная или нянька безъ всякаго удовольствія моетъ испачканную имъ посуду, чиститъ его сапоги и калоши, которые онъ постоянно надѣваетъ

чистыми. Онъ долженъ понять, что дѣлается это не изъ любви къ нему, а по какимъ-то совсѣмъ неизвѣстнымъ ему причинамъ. Если ребенокъ этого не стыдится, то это является самымъ плохимъ началомъ воспитанія и оставляетъ глубокіе слѣды на всю его жизнь. Избѣгнуть этого очень легко. Пусть дѣти все дѣлають для себя сами: пусть выносятъ свои помои, пусть чистять свои сапоги и платье, пусть сами наполняютъ свои умывальники водою, пусть убирають свои комнаты, пусть сами накрываютъ на столъ и т. д. Вѣрьте мнѣ, что какъ ни ничтожно все это, оно все же важно для счастья вашихъ дѣтей. Правда, что тутъ выступаетъ впередъ главное затрудненіе. Дѣти только то дѣлають охотно, что дѣлають ихъ родители,— вотъ почему дѣлайте все это сами! Съ перваго же мѣсяца вы почувствуете удовлетвореніе, а дѣти еще больше будутъ довольны. Если къ этому вы прибавите работу на полѣ или хотя на огородѣ, это будетъ очень хорошо, хотя часто такая работа и кажется простымъ времяпрепровожденіемъ. Необходимость заботиться о собственныхъ потребностяхъ, выносить собственные помои признается лучшими школами, безъ этого условія нѣтъ нравственнаго воспитанія, или сознанія, что всѣ люди—братья и между собой равны“.

Я привела отрывокъ изъ письма Толстого и не могу его комментировать; я прибавлю, что на Чикагской выставкѣ, которую я посѣтила, въ женскомъ дворцѣ, сыгравшемъ такую громадную роль въ движеніи женской эмансипаціи, кромѣ всесторонней выставки женской дѣятельности и женскаго труда, какъ свое естественное добавленіе, имѣлъ мѣсто еще и дневной дѣтскій пріютъ. Всѣ недостаточныя матери, приходившія изо-дня въ день осматривать, изучать и учиться на выставкѣ, такъ какъ во всѣхъ отдѣлахъ давались женщинамъ практическія поясненія и уроки, могли приводить и приносить съ собою дѣтей, которыя и принимались въ этотъ пріютъ.

Выставка продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ и дѣти приобрѣли тамъ массу мелкихъ знаній въ связи съ разумной дисциплиной: дѣти, играя, могли многому тамъ научиться, такъ какъ для нихъ устраивались спектакли, совѣщанія, была бібліотека, приуроченная къ ихъ возрасту. Ничто не могло быть любопытнѣе дѣятельности „Дѣтскаго сада“ и „Кухоннаго сада“ на выставкѣ.

Дѣти, играя, убирали постели, мели полъ, стирали пыль и были посвящены во всѣ подробности хозяйства.

Кромѣ того, при знаменитомъ Hull Нaus'ѣ, въ

Соединенныхъ Штатахъ, служащимъ приютомъ для бѣдныхъ иностранцевъ, среди разныхъ отдѣленій есть одно специальное для бѣднѣйшихъ дѣтей. Дѣти живутъ тамъ совершенно самостоятельною жизнью. Надзоръ за ними старшихъ—только въ смыслѣ неизбѣжной помощи и совѣта, затѣмъ, кромѣ извѣстныхъ часовъ урока дѣти завѣдуютъ всѣмъ своимъ хозяйствомъ: шьютъ, чинятъ, убираютъ, стряпаютъ, прислуги имъ никакой не полагается, за непослушаніе, эгоизмъ и нерадѣніе имъ приходится поплатиться собственнымъ опытомъ.

Я не знаю, возможны были бы у насъ такія колоніи, но справедливо сказать, что тамъ, гдѣ у американцевъ практика, у насъ все идетъ только въ теоріи, и потому, ни перворазрядный институтъ, ни послѣдній приютъ для дѣтей Вяземской лавры не выпускаетъ практически-воспитанныхъ людей.

Сколько бы мы ни говорили о недочетахъ дѣтскаго воспитанія, о новыхъ и старыхъ системахъ, о нянькахъ, учительницахъ мы не добьемся никакихъ результатовъ, пока у насъ не будетъ опытныхъ матерей.

Мужчина, желающій заняться какимъ-нибудь ремесломъ, искусствомъ или профессіей, тщательно

изучаетъ его. Онъ давно уже специализировался въ области своей дѣятельности; если инженеръ, архитекторъ, профессоръ или строевой офицеръ окажется плохо подготовленнымъ, его не пощадятъ товарищи, на него не только посыпется градъ насмѣшекъ, но къ нему начнутъ относиться съ презрѣніемъ.

Женщина же, отъ которой зависитъ здоровье, разумное человѣческое поколѣніе, въ рукахъ которой, такъ сказать, жизнь, честь и слава ея родины, во всемъ полагается на природу и на инстинктъ, а природу свою она давно исковеркала неправильной жизнью, нелѣпыми модами, а правильный инстинктъ потеряла вѣками рабства, исполняя чужую волю, живя сама у мужчины на пропитаніи.

Если теперь женщина очнулась, если хочетъ новой жизни, то пусть начинаетъ съ корней, пусть съ пеленокъ воспитаетъ свою дочь такъ, чтобы она, въ свою очередь, могла сдѣлаться здоровой и опытной матерью молодого и сильнаго поколѣнія.

При поспѣшности, съ которой у насъ заключаются браки, при нелѣпой влюбленности, которая бросаетъ нашу дѣвушку въ объятія перваго попавшагося жениха, при неуваженіи къ святости

и нерасторжимости брака, царящаго въ современномъ обществѣ, естественно требованія развода возникаютъ все чаще и чаще. Доказательствомъ сказаннаго могутъ служить газетныя объявленія: разверните любой номеръ „Новаго Времени“ и вы найдете три-четыре объявленія въ родѣ слѣдующаго:

„Бывшій судебный дѣятель... Бывшій чиновникъ консисторіи... Опытный по бракоразводнымъ дѣламъ... Всюду, во всѣхъ консисторіяхъ“... и т. д.

Очевидно, такое изобиліе предложеній вызвано большимъ спросомъ и нельзя не согласиться, что это печальное явленіе происходитъ не только отъ браковъ, заключенныхъ безпечно, съ предвзятою мыслью о легкости его расторгенія, но и отъ того, что рядъ долгихъ лѣтъ рабства женщины привелъ ее къ браку подневольному и безъ любви, бракъ этотъ часто, дѣйствительно, становится непереноснымъ страданіемъ и надо радоваться, что новое законоположеніе для такихъ положеній выработаетъ новыя, болѣе человѣческія правила.

Говорить подробно о разводѣ меня заставляетъ то, что женщина должна слѣдить за всѣми вопросами, которые выдвигаетъ жизнь, а вопросомъ о разводѣ занято теперь все интеллигентное общество. Женщина, чтущая святость брака, должна

все-таки знать, что приходится перестрадать ея, хотя бы и виновной сестрѣ, а тѣ, которыя до сихъ поръ смотрѣли теоретически на расторженіе брака, какъ на дѣло легкое, изъ моихъ словъ ознакомятся со всѣмъ ужасомъ этой процедуры. Главный недочетъ нашего женскаго образованія состоитъ въ томъ, что мы не знаемъ законовъ нашей страны и живемъ въ абсолютномъ невѣдѣніи, какъ нашихъ гражданскихъ правъ, такъ и нашихъ обязанностей.

Главный недостатокъ закона по разводу тотъ, что онъ до сихъ поръ находился исключительно въ вѣденіи духовенства. Разводъ былъ да и теперь еще — ничто другое, какъ сплошная и постыдная комедія, въ которой сознательно лгутъ всѣ: и разводящіеся, и священникъ, который обязанъ стараться склонить супруговъ къ примиренію, и судьи, выслушивающіе обѣ стороны.

Женская стыдливость, женская порядочность оскорбляются самымъ жестокимъ образомъ; во-первыхъ, — и теперь, какъ и прежде, разводъ по иску оскорбленнаго, основанный на дѣйствительно доказанномъ преступленіи — явленіе исключительное, такіе супруги чаще всего желаютъ скрыть свой стыдъ или свое горе, развѣзжаются полюбовно, не затѣвая скандальнаго процесса; чаще всего

разводъ составляется по обоюдному соглашенію, когда одна изъ сторонъ желаетъ вступить во второй, новый бракъ, но такъ какъ обоюдное согласіе и даже искреннее признаніе своей невѣрности еще недостаточно для развода, то приходится прибѣгать къ свидѣтельскимъ показаніямъ, а такъ какъ свидѣтелей такого акта не бываетъ, то подкупается прислуга или берутся прямо за деньги подставные свидѣтели и если вина падаетъ на женщину, то можно себѣ представить тотъ адъ стыда, тотъ омутъ пошлости, въ который погружается ея имя.

Если даже жена виновата, если дѣйствительно она преступила святость брака, то между ея единичнымъ увлеченіемъ къ-нибудь и зауряднымъ, ни къ чему не обязывающимъ измѣнамъ ея мужа лежитъ цѣлая пропасть. Онъ измѣняетъ браку просто подъ веселую руку и считаетъ это дѣломъ пустымъ и естественнымъ, если его друзья и товарищи знаютъ объ его измѣнахъ, то станутъ только или завидывать ему или, во всякомъ случаѣ, отнесутся къ этому одобрительно, ему не стыдно ни свидѣтелей его кутежей, ни тѣхъ женщинъ, съ которыми сегодня онъ близокъ, а завтра встрѣтитъ ихъ уже совершенно въ другой компаніи.

Женщина же измѣняетъ мужу единично, по бе-

зумному увлеченію, послѣ долгихъ колебаній, страдаетъ отъ страха, что тайна ея разоблачится, она переживаетъ острый стыдъ за свою измѣну, у ней нѣтъ заступниковъ ни въ семьѣ, ни среди лицемѣрнаго свѣта, ей грезятся ужасы,—яръость мужа, дуэль, убійство... и вотъ, сама ли она выдала себя, случай ли, но тайна ея открыта; оскорбленный мужъ, какъ почти всегда это бываетъ, отнесся съ бессильнымъ презрѣніемъ къ сопернику и всею тяжестью гнѣва и ненависти обрушился на жену. Онъ прогналъ ее изъ дома или сама она бѣжала къ родителямъ. Хорошо еще, если при этомъ ей не пришлось разочароваться въ любимомъ человѣкѣ, если онъ не бросилъ ее тоже при разыгравшемся скандалѣ... И вотъ,—полная отчаянія и страха, она соглашается на все; разводъ кажется ей благомъ, она мечтаетъ только о свободѣ, объ освобожденіи изъ зависимости отъ оскорбленного мужа.

Но тутъ-то и начинается бракоразводная драма: надо доказать ея вину. Для этого идетъ очная ставка съ прислугой, злорадно клеветущей на нее; затѣмъ съ какими-то пропойцами—лжесвидѣтелями, которые шаблонно и нагло рассказываютъ постыдные, подлые подробности о яко бы видѣнномъ ими фактѣ.

Она съ мужемъ появляется передъ священникомъ, который, по обязанности, зная, что никакого примиренія между супругами состояться не можетъ, холодно и вяло говорить имъ шаблонныя фразы о христіанскомъ сожителствѣ, о святости брака и т. д. И спросы, допросы, очныя ставки, тяжелыя встрѣчи съ мужемъ продолжаются долго и, какъ черныя пятна плѣсени, пачкають ея душу и мысли, и, наконецъ — измученная, униженная она появляется въ синодѣ передъ ареопагомъ судей изъ чернаго духовенства, — чернаго, т.-е. людей завѣдомо отрекшихся отъ всякаго искушенія плоти, отъ всѣхъ радостей семьи, отъ всѣхъ сатанинскихъ прелестей въ образѣ женщины. Эти судьи, давшіе обѣтъ отвращать свои мысли отъ всякаго соблазна, теперь будутъ выслушивать не только исповѣдь паденія по любви, но и подлое, гнусное подробное свидѣтельское описаніе фактовъ. Они будутъ глядѣть на эту женщину, воплощающую для нихъ блудъ и грѣхопаденіе и будутъ задавать ей такіе вопросы, отвѣчать на которые можетъ только женщина, потерявшая всякій стыдъ.

Судъ конченъ, приговоръ произнесенъ, женщина разлучена не только съ мужемъ, но и съ любимымъ человѣкомъ, съ тѣмъ, ради кого она

все это перестрадала и вынесла, онъ никогда не можетъ стать ея легальнымъ защитникомъ; бракъ между ними отнынѣ невозможенъ, судъ не сказалъ ей словами Господа: „Иди и не грѣши больше“ ¹⁾, нѣтъ, онъ сказалъ ей: теперь ты уже никогда не выйдешь на честную дорогу семейной жизни, иди и продолжай теперь уже открыто свою тайно начатую связь. Если у тебя будутъ дѣти, они будутъ незаконныя, если же тебя, брошенную мужемъ, бросить твой сообщникъ, никому до этого нѣтъ дѣла, его мы не судимъ, онъ, какъ и всякій мужчина, въ сторонѣ, виновата одна женщина, ее мы и судимъ и казимъ. Мало того, на нее всею тяжестью ляжетъ еще церковное покаяніе: на семь лѣтъ она считается отлученной отъ церкви; а если она женщина релігіозная, если вся надежда ея была теперь на сладость молитвы, на исповѣдь, причастіе примиряющія ее съ Богомъ?

На семь лѣтъ отлучена отъ церкви! Конечно, мы знаемъ, что приговоръ этотъ смягчается, что ея духовникъ можетъ ходатайствовать за нее, но это во время произнесенія приговора не знаетъ ни одна разведенная. У насъ рѣдко у кого есть

---

¹⁾ Нынѣ, какъ извѣстно, обѣ стороны послѣ развода могутъ вступать въ новый бракъ.

духовный отецъ въ буквальный смыслъ этого слова, т.-е. священникъ, въ доброту, умъ и кротость котораго мы вѣримъ, передъ которымъ на колѣняхъ готовы выплакать все горе и въ молитвахъ его найти себѣ успокоеніе и прощеніе, и женщина, которой черные судьи вынесли такой приговоръ, замыкаетъ въ душѣ это послѣднее оскорбленіе — отлученіе ее отъ церкви и перестаетъ молиться, перестаетъ вѣрить и въ правосудіе людей, и въ милосердіе Божье.

И этого еще мало, на нее накладываютъ несмываемое тавро, въ ея паспортѣ прописываютъ: бывшая жена такого-то осуждается на безбрачіе за прелюбодѣяніе и т. д. Теперь не дѣлаютъ такихъ надписей, но я сама нѣсколько лѣтъ тому назадъ держала въ рукахъ такой паспортъ молодой, безукоризненно порядочной женщины; этотъ волчій паспортъ она прописывала во всѣхъ участкахъ при переѣздѣ на новую квартиру, этотъ паспортъ читали всѣ лакеи, когда, путешествуя, она останавливалась въ гостиницѣ.

Неужели такой законъ не требуетъ пересмотра, неужели женщины не возвысятъ своего голоса, не повліяютъ на своихъ мужей, братьевъ, отцовъ, въ рукахъ которыхъ находится разрѣшеніе новаго законопроекта по бракоразводнымъ дѣламъ, чтобы

подобныя дѣла велись болѣе чисто и болѣе человѣчно?

Естественно, что дѣло о расторженіи брака должно быть отдано въ вѣденіе гражданскаго судопроизводства, что признаніе въ собственной винѣ должно быть достаточно безъ свидѣтелей—очевидцевъ преступленія, что обоюдное согласіе на разводъ должно быть принято во вниманіе и что разведенная, виноватая сторона въ особенности нуждается въ полной свободѣ сочетаться новымъ бракомъ.

Мнѣ скажутъ, что разводовъ будетъ вдвое больше при такой поблажкѣ законовъ. Первое время безусловно да, потому что всѣ фактически разошедшіеся, но не искавшіе еще развода въ силу дороговизны лжесвидѣтелей, волокиты дѣла и другихъ тяжелыхъ подробностей, сразу нахлынутъ съ прошеніями о разводѣ, но затѣмъ, когда эти залежи неудачныхъ браковъ будутъ сданы въ архивъ, то новыхъ дѣлъ будетъ гораздо меньше—уже одно сознаніе, что оскорбленная сторона легко можетъ добиться справедливаго суда надъ виновною, удержать многихъ легкомысленныхъ, рассчитывавшихъ прежде на то, что не всякій пойдетъ на трудность и постыдность бракоразводнаго процесса, а главное, что тамъ, гдѣ въ семьѣ лю-

бовъ и уваженіе, тамъ ни прежде, ни теперь, ни послѣ не будутъ стремиться къ разводу.

Тѣмъ болѣе, что еще въ 1900 году святѣйшій синодъ своей сентенціей опредѣлилъ, что „въ бракоразводномъ процессѣ фактъ прелюбодѣянiя можетъ считаться доказаннымъ не только свидѣтелями-очевидцами, но и другими второстепенными доказательствами“. Святѣйшій синодъ предписалъ одной изъ нашихъ консисторій, отказавшей въ расторженіи брака за неуказаніемъ „свидѣтелей-очевидцевъ“, дать дѣлу дальнѣйшій ходъ: „произвести разслѣдованіе документальныхъ доказательствъ и показаній одного лица, лишь знавшаго о невѣрности“, что только и было предъявлено на судъ истцомъ-мужемъ противъ обвиняемой имъ жены. И разводъ состоялся. Такимъ образомъ, эта сторона дѣла, этотъ отказъ закона отъ нелѣпыхъ и никогда и нигдѣ немислимыхъ свидѣтелей-очевидцевъ—не есть что-либо существенно новое.

Съ новыми, ожидаемыми нами правилами о разводѣ соединены и новыя правила о ребенкѣ: у насъ болѣе нѣтъ незаконнорожденныхъ дѣтей, отнынѣ будутъ лишь внѣбрачныя и притомъ мать можетъ прикрыть ихъ не только своею любовью, но и своимъ именемъ, это—громадный шагъ впередъ по дорогѣ общечеловѣческихъ правъ.

За эти права и бьется женщина; до сихъ поръ она принадлежала только семьѣ, сперва той семьѣ, въ которой сама выросла ребенкомъ, затѣмъ той, гдѣ росли ея дѣти. Но мы уже видѣли, что взгляды на дѣвушку въ семьѣ былъ узко-половой, т.-е. она была съ рожденія только существомъ женскаго пола, которому предстояла узкая, спеціально женская жизнь. Эта замкнутость со всѣхъ сторонъ, это вѣчное „нельзя“, „не полагается“, „не дѣлается“ обезличило и обезсилило ее.

И вотъ женщина устала, вѣчное положеніе особы женскаго пола, спеленутой рутинными взглядами и приличіями, истомило ее, она разорвала путы и вышла изъ этихъ пеленокъ, она хочетъ быть не особой прекраснаго или слабаго пола, а членомъ общечеловѣческой расы, она хочетъ думать и поступать, какъ человѣкъ, какъ простой, честный, хорошій, кроткій человѣкъ, но тѣмъ не менѣе „человѣкъ“ съ расовыми требованіями, т.-е. существо съ широкимъ полетомъ мысли, съ собственнымъ сужденіемъ, съ инициативой и работой. Первой попыткой къ общечеловѣческой жизни было требованіе свободнаго доступа въ высшія учебныя заведенія. Изъ допущенія дѣвушекъ на курсы и на службу сама собою пришла самостоятельность и равноправность въ семьѣ, гдѣ на

недоч. жизни совр. женщины.

нее стали смотрѣть съ уваженіемъ, какъ на полезнаго члена.

Потомъ пошли женскія ассоціаціи, общества, женщины стали меньше интересоваться мужчиной, любовными тайнами, флиртомъ, имъ стало стыдно, да и скучно играть все на одной чувственной струнѣ, мысли ихъ опростились и очистились, возникъ интересъ къ своему полу, къ женской жизни, стали развиваться способности къ дружбѣ, къ безкорыстному товариществу.

Теперь уже трудно загнать женщину въ прежнія домохозяйныя рамки, и на это мужчина не долженъ жаловаться, по крайней мѣрѣ умному, развитому мужчинѣ нечего бояться, что женщина не захочетъ быть женой и матерью, напротивъ, — она будетъ женой, товарищемъ, другомъ, матерью осмысленной и настоящей воспитательницей. Для мужчины, въ этомъ новомъ, общечеловѣческомъ движеніи, которое идетъ среди женщинъ, опасно только одно: прежде женщина, въ массѣ, стояла неизмѣримо ниже мужчины по своему образованію, по своей непрактичности, по беспомощности, женщина столько денегъ, заработанныхъ тяжелымъ трудомъ мужчины тратила безъ смысла и проку, что поневолѣ позволяла обращаться съ собой, какъ съ недоразвитымъ, недоросшимъ существомъ

и, считая мужчину совсѣмъ особымъ человѣкомъ, преклонялась передъ его практичностью, эгоизмомъ и грубостью, теперь же она потребуетъ равенства, равенства съ мужчиной не въ порокахъ, а напротивъ, — въ сдержанности, въ порядочности. Она хочетъ быть хорошей женой, но ищетъ въ мужѣ товарища, отказавшагося отъ роли властелина и деспота, она будетъ опытною, настоящей матерью, но мужъ долженъ найти время быть настоящимъ отцомъ, она отброситъ недостойную комедию влюбленности, но потребуетъ того же отреченія и отъ мужчины: *любовь за любовь, дружба за дружбу, вѣрность за вѣрность*, иначе не можетъ и быть хорошей человѣческой жизни.

Недочетами современной жизни женщинъ являются отношенія женщинъ къ женщинамъ. Я бросаю тяжелый упрекъ женщинамъ: онѣ мало любятъ другъ друга, мало поддерживаютъ одна другую. Можетъ-быть это именно оттого и происходитъ, что, какъ я указывала, женщина слишкомъ долго не была человѣкомъ, она была дочерью, женой и свѣтской дамой, простыхъ отношеній у нея не было и изъ нее еще не выработался товарищъ. Женщина будетъ жалѣть падшую, бѣдную, больную и охотно поможетъ ей; она преклонится передъ знатной, богатой и будетъ польщена

ея дружбой, но она не умѣетъ хорошо, искренне относиться къ равной себѣ, тутъ сейчасъ является какое-то нелѣпое соперничество, недоувѣріе и даже недоброжелательство. Осадокъ еще прежняго постояннаго соперничества изъ-за ухаживанія и вниманія мужчинъ до сихъ поръ, хотя уже и въ другой формѣ, разъѣдаетъ женскія отношенія. Меня поражаетъ, что женщины при первой встрѣчѣ всегда съ инстинктивнымъ недружелюбіемъ осматриваютъ одна другую, незнакомыя между собой, непремѣнно критически относятся и къ внѣшнему виду, и къ разговорамъ другихъ. Въ вагонѣ, въ залѣ, на балу, въ театрѣ—женщины высмѣиваютъ женщинъ. Въ литературѣ, искусствѣ, на всѣхъ поприщахъ женщина особенно злорадно замѣтитъ промахи и недочеты въ работѣ другой женщины. И осужденіе женщины женщиной же всегда носитъ на себѣ особенно ѣдкій, злобный характеръ. Мужчина иногда высоко поднимается на какомъ-нибудь поприщѣ, только потому, что женщины создаютъ ему успѣхъ: ихъ добровольное поклоненіе сглаживаетъ ему дорогу къ извѣстности и славѣ... женщины горячо, настойчиво говорятъ объ его талантѣ своимъ мужьямъ, братьямъ, отцамъ, онѣ пишутъ ему письма, бѣгутъ шумной, чуть не безумной, восторженной толпой по его

пятамъ...¹⁾ А когда возвышается женщина умомъ или талантомъ, — мужчины замалчиваютъ ее уже изъ принципа и изъ врожденнаго презрѣнія ко всякому, какъ ему кажется, соперничеству женщинъ, а женщины — онѣ тоже или молчатъ, или хвалятъ осторожно, издали. Какія женщины воздвигли женщинѣ памятникъ? Жизнь какой женщины-труженицы мы облегчили или обезпечили? Богатыя женщины назначали ли когда-нибудь какой-нибудь женскій конкурсъ, выдали ли премію, послали ли на свой счетъ какую-нибудь женщину учиться или совершенствоваться за границу? Какія изданія и журналы чисто женскіе процвѣтаютъ?

Наоборотъ, не гибнутъ ли они при самомъ началѣ именно отъ того, что мужчины презираютъ женскую умственную дѣятельность и смѣются надъ ними, а женщины не поддерживаютъ ее.

Неужели не было у насъ гениальныхъ женщинъ? Были, — но мы сами замолчали, затерли ихъ и это — нашъ грѣхъ! Мы, женщины, не гордимся нашими женщинами, мы не хотимъ выдвинуть ихъ, не хотимъ заставить признать ихъ. И такъ отъ общаго до частнаго, напримѣръ: каж-

---

¹⁾ Немировичъ-Данченко, рассказъ „Удача“: „Онъ зналъ, что у насъ репутаціи создаются именно дамами. Мужчинамъ некогда“.

дое общество, какъ я уже сказала, само изъ себя выбираетъ комитетъ или совѣтъ и затѣмъ всѣ члены съ недовѣріемъ и съ недоброжелательствомъ относятся къ своимъ же выборнымъ.

Ни въ какомъ женскомъ дѣлѣ у насъ нѣтъ солидарности, у насъ есть Марія Ивановна, Анна Петровна, но нѣтъ общаго девиза: ради женщины, для женщины, за женщину. Въ женскихъ ассоціаціяхъ рознь эта особенно замѣтна.

Женская благотворительность развивается гораздо успѣшнѣе, чѣмъ женскія ассоціаціи.

Для того, чтобы правильно освѣтить современную благотворительную дѣятельность и доказать, что душою и инициаторомъ этого святого дѣла всегда стояла и стоитъ женщина, потребовался бы совершенно самостоятельный трудъ, и я не могу говорить ни о развитіи этого дѣла, ни о всѣхъ его детальныя мелкихъ недостаткахъ, хотя именно эти-то детали и мелочи тормозятъ и портятъ большое, хорошее дѣло.

Недочетъ состоитъ въ безсистемности всѣхъ нашихъ благотворительныхъ учреждений, вездѣ дѣло ведется по-своему и вездѣ оно мало удовлетворительно, яснымъ доказательствомъ чему служить то, что за всѣ года, выпустившіе изъ приютовъ портнихъ, горничныхъ, нянь и другую при-

слугу, категорія этихъ работницъ стоитъ все на томъ же низкомъ уровнѣ, между тѣмъ на всѣ пріюты и убѣжища Правительство и частная благотворительность тратятъ милліоны, въ программу этихъ заведеній входятъ чуть не всѣ мастерства, но большею частью онѣ выдѣлываютъ бесполезныя, красивыя вещи, видъ которыхъ на экзаменахъ и выставкахъ льститъ избалованному вкусу богатыхъ благотворительницъ; онѣ дѣлаютъ роскошныя цвѣты, слѣпнутъ надъ артистическими вышивками, шьютъ тончайшее бѣлье, словомъ, — дѣлаютъ то, что впоследствии не можетъ прокормить ихъ, такъ какъ имъ трудно будетъ потомъ найти и сбытъ, и заказчицъ на эти чрезвычайно дорогія работы, хотя безспорно есть уже и такія, которыя обзавелись своими мастерскими и начинаютъ серьезно относиться къ труду и зарабатываютъ, но пока еще только на почвѣ шитья дамскихъ нарядовъ.

Въ послѣдніе десять лѣтъ я особенно приглядывалась къ тѣмъ пріютамъ, изъ которыхъ выпускаютъ образцовыхъ кухарокъ, нянекъ, горничныхъ и т. д.

Я веда свои записки и не постыжусь, и не побоюсь сказать, что треть этихъ полубарышень готовятся на троттуаръ. Вездѣ одно и то же: экономія на качествѣ и количествѣ питанія и въ

то же время реверансы, декламация передъ прѣзжающими и т. д. Ни въ одномъ изъ этихъ пріютовъ не внушается уваженія къ труду; начальницы и смотрительницы такихъ пріютовъ большею частью обѣднѣвшія барышни, которыя смотрять за манерами, но никогда не найдуть въ себѣ убѣжденія, что трезвая, честная, знающая свое дѣло кухарка вполне достойна уваженія, что хорошо исполненный трудъ самъ въ себѣ заключаетъ наслажденіе и что хорошая работница всегда найдетъ себѣ оцѣнку. Пріютскія дѣвушки стыдятся своихъ родителей, жеманятся, лгутъ, распѣвають романсы и переписываютъ чувствительные стихи, всѣ тайно влюблены въ своего батюшку, діакона или попечителя и въ этихъ пріютахъ нѣтъ веселаго, здороваго труда, нѣтъ сытой, простой жизни.

Всѣ пути женской дѣятельности опять-таки и на почвѣ благотворительности заѣдаются женской мелочностью, недоброжелательствомъ и нелѣпой конкуренціей, какъ-будто въ жизни имѣетъ вѣсь не качество труда, а количество суеты и шума. Принято говорить всегда о душѣ русской женщины и объ ея удивительной добротѣ. Но въ сущности, доброта—суровая добродѣтель; доброта безъ справедливости и безпристрастности переходитъ

въ распущенность. Добрый человекъ не можетъ не быть сдержаннымъ и строгимъ, какъ къ себѣ, такъ и къ людямъ, которымъ хочетъ сдѣлать добро. Всякая помощь только тогда благотворна, когда она не вырвана и не брошена по первому впечатлѣнію, а оказана во время, съ толкомъ и въ томъ размѣрѣ, который даетъ человеку возможность снова встать на ноги. Какъ это ни ужасно сказать, но есть люди, которыхъ приходится оставить гибнуть, которымъ нельзя помочь. Господь сказалъ: „Нельзя отнять хлѣбъ у дѣтей и бросить его псамъ“. Это—страшная истина: нельзя отнять помощь отъ людей энергичныхъ, честныхъ, влывшихъ временно въ нужду и отдать ее лѣнтяямъ, тунеядцамъ, которые вѣчно будутъ на рукахъ общества, а мы мало разбираемся между первыми и вторыми, мы идемъ на крикъ того, кто кричитъ громче, потому что въ сущности мы не такъ добры, какъ сентиментальны, насъ не такъ легко тронуть глубоко, какъ мгновенно и сильно взволновать. Вотъ эта-то слабохарактерная, поверхностная доброта и развѣдаетъ нашу благотворительность и заставляетъ насъ разбрасывать стипендіи, мѣста и деньги безъ правильнаго разбора настоящей нужды отъ кричащей. Я не говорю, чтобы ничего не сдѣлать и для погибающихъ отъ безхарактер-

ности или пьянства. Христось Самъ согласился со словами хананейянки, молившей о помощи, что вѣдь и „псы ѣдятъ крошки, падающія со стола людей“, но тѣмъ не менѣе надо поддерживать не дерево, сгнившее въ корню, а то, которое можетъ засохнуть и пропасть отъ недостатка солнца и влаги.

Кончая мою лекцію, я хочу сказать нѣсколько словъ о значеніи мужского вліянія на женщину. Вліяніе это велико! Французы говорятъ, что самое важное въ жизни мужчины—первая женщина, т.-е. его первая связь. Не думаю, чтобы это было вѣрно, потому что, къ сожалѣнію, мужчина такъ рано начинаетъ свою половую жизнь, что первая страсть его легкомысленна и эфемерна и рѣдко ведетъ къ основанію семьи; въ связяхъ этихъ рѣдко лежитъ любовь, чаще всего — половая влюбленность и собственно въ этой вспышкѣ мало играютъ роль качества души и ума женщины, а потому и трудно предположить, чтобы она могла произвести глубокое и неизгладимое впечатлѣніе; дѣвушка же за рѣдкимъ исключеніемъ свою первую привязанность отдаетъ жениху, который, послѣ свадьбы, вводитъ ее въ кругъ своихъ друзей; своею, иногда совершенно излишней откровенностью, знакомитъ ее съ закулисной стороною жизни

и направляетъ мысли и сужденія ея о людяхъ и поступкахъ ихъ въ ту или другую сторону. Уже въ силу полной оторванности отъ реальной жизни, въ которой держать дѣвушку, она довѣрчиво относится къ своему мужу-просвѣтителю, затѣмъ ея молодость, ея готовность создать себѣ кумира изъ мужа, дѣлаетъ ее послушной ученицей, и мы часто ясно видимъ, какъ характеръ дѣвушки, ея манера говорить и даже думать складывается по взглядамъ и образу мыслей ея жениха и мужа.

„Запѣла птичка съ чужого голоса!“ говорятъ шутя, а по русской пословицѣ дѣвушка — воскъ, изъ котораго мужъ что захочетъ, то и вылѣпитъ. Въ силу этого стоятъ два противоположенія: или родители должны тщательно относиться къ выбору своихъ знакомыхъ, и знакомыхъ своихъ знакомыхъ, т.-е. ко всѣмъ мужчинамъ, съ которыми, какъ съ возможнымъ женихомъ встрѣчается ихъ дочь, или воспитывать дѣвушку самостоятельной и не спѣшить выдавать ее замужъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ у нея свои окрѣпшіе взгляды, принципы и сужденія. Но самое тяжелое это то, что мужчина прививаетъ женщинѣ свое презрѣніе къ женщинѣ же. Какъ ни одинъ мужчина не вѣритъ, что самъ могъ бы быть обманутъ своей же-

ной, и потому съ нескрываемымъ, злораднымъ удовольствіемъ относится ко всѣмъ обманутымъ мужьямъ, такъ и женщина никогда не допускаетъ, чтобы она могла служить предметомъ насмѣшки мужчины, и потому не только позволяетъ ему въ своемъ присутствіи смѣяться надъ другими, но и вторить ему.

— Ты куда это собираешься? — спрашиваетъ мужъ.

— Въ наше женское общество, — отвѣчаетъ жена.

— Это въ сорочій клубъ-то? Вотъ охота!

Жена улыбается:

— Другъ мой, да я ненадолго... тамъ сегодня разбирается одинъ вопросъ...

— Ну, какіе у васъ могутъ быть вопросы?! Будутъ тамъ языки чесать... Удивляюсь, что ты можешь находить интереснаго въ этомъ бабьемъ обществѣ?

— Да, вѣдь, я же тамъ рѣдко и бываю!.. и т. д.

И не только женщина не сердится на мужчину за такія слова, но часто при немъ и даже при другихъ женщинахъ не стѣсняется говорить, что

всегда предпочитаетъ мужское общество женскому, а мужчина наоборотъ—всегда предпочитаетъ мужское и всегда охотнѣе пойдетъ въ свой клубъ или засѣданіе, чѣмъ въ гости къ подругамъ жены; женщину онъ еще не призналъ за члена общечеловѣческой расы, а до сихъ поръ считаетъ ее особой женскаго пола, съ которой можно болтать, но не о чемъ говорить.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается чисто женской дѣятельности, гдѣ женщина чувствуетъ, что она идетъ честно и прямо по дорогѣ улучшенія нашей женской жизни, она должна мягко по формѣ,—но твердо по убѣжденію отстаивать свою дѣятельность. Только такимъ способомъ женщина добьется уваженія и признанія своихъ женскихъ дѣлъ, какъ она привыкла признавать и уважать мужскую дѣятельность.

Итакъ, стоитъ женщина, какъ пахарь среди громаднаго взрытаго поля своей жизни; всѣ устои бывшей женской жизни, какъ ненужные, сгнившіе корни, выкорчеваны, всѣ ея узко-спеціальныя женскія права лопнули, какъ нитки, которыми вздумали связать здоровое, крѣпкое тѣло, она выросла, окрѣпла, вздохнула глубоко, свободно и смѣло взялась за плугъ.

Перепахиваетъ она свою жизнь, бросаетъ въ борозды новыя сѣмена... Что дастъ жатва? Что взростетъ, зацвѣтетъ на этой нивѣ?

Дѣти наши это увидятъ, а матерямъ пока —
Богъ помочь!

Вліяніє новѣйшей літературы на современную молодежь.

Часть первая.

Многіе писатели образованные и даровитые начали и кончили свою карьеру въ нуждѣ. Другіе, слѣдуя какому-то общему роковому закону, оставались въ тѣни и получали гроши по редакціямъ, именно въ самый расцвѣтъ своего таланта, пока въ сердцѣ горѣла жажда добра и справедливости, мысль кипучая и вдохновенная лилась такъ, что за нею не успѣвало перо, и достигали извѣстности и обезпеченности только тогда, когда угасли силы души и ума, когда жизнь сошлифовала ихъ слишкомъ блестящую совѣсть, ихъ слишкомъ острую правду.

Многіе не дожили до того перелома, когда имя ихъ, наконецъ, вѣлось въ памяти читателя и приобрѣло имъ популярность, за которой начинается уже и матеріальный успѣхъ.

Изрѣдка появлялись на горизонтѣ литературнаго міра исключительные баловни счастья, таланты которыхъ развивались среди восторженныхъ поклонниковъ, что и позволяло имъ сразу шагнуть въ извѣстность и славу.

Но чтобы талантъ и только талантъ сразу выкинулъ человѣка изъ самой бездны ничтожества, чтобы только одна сила слова, да еще впервые раздавагося въ темной маленькой газеткѣ „Кавказъ“, имѣющей такъ мало распространенія, сразу расшевелила умы читателей, это случай исключительный. Если взять отъ перваго разсказа Горькаго, до постановки его пьесы „На днѣ“, то мы увидимъ, что прошло десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ темный босякъ, пилившій дрова и таскавшій грузы, превратился въ европейски извѣстнаго писателя, покорилъ враговъ и завистниковъ громадой своего таланта, приобрѣлъ безумныхъ поклонниковъ и составилъ себѣ состояніе.

Въ чемъ же причина, что разсказы Горькаго сдѣлали его сразу популярнымъ и разлились не только по всей Россіи, но и по всей Европѣ?

Причина тому лежитъ во-первыхъ въ томъ, что до него о народѣ писали только, такъ сказать, со стороны: нужду, горе, страданіе, пьянство,

развратъ, убійство, все это описывали люди интеллигентные, слышавшіе, видѣвшіе, наблюдавшіе, но не пережившіе, не бывшіе активными участниками душой и тѣломъ, страстью и ненавистью всего того, что они описывали. Мы могли плѣняться артистичностью рассказовъ и вѣрить, что все это было такъ. Мы какъ бы слушали великолѣпнаго механическаго соловья и вдругъ запѣлъ настоящій, съ перекатами, придыханіями, со стономъ и плачемъ, какъ онъ поетъ только лунными ночами весною, въ тѣхъ недосягаемыхъ чащахъ, гдѣ сидитъ на гнѣздѣ его самка. И всѣ встрепенулись, забились сердца, заволновалась кровь... Что это? Откуда? Кто перенесъ насъ въ самую глушь лѣса? Кто поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ живымъ цѣвцомъ, съ живой природой?

Вотъ какое впечатлѣніе непосредственности получалось отъ рассказовъ Горькаго.

Содержаніе въ рассказахъ Горькаго пугало и притягивало читателя, оно заставляло его думать и жалѣть тѣхъ людей, которыхъ до сихъ поръ онъ и за людей не признавалъ.

Это былъ цѣлый міръ тѣней, маріонетокъ, отребьевъ, превратившихся въ живыхъ людей съ совершенно особымъ міросозерцаніемъ, особой логикой, нравственностью, особымъ счастьемъ, ко-

недоч. жизни совр. женщины.

торое часто гораздо выше нашего, потому что его ни даровать, ни отнять отъ человѣка нельзя, потому что оно исходитъ изъ его собственной души и чаще всего гармонируетъ съ окружающею его природою.

Второю причиною міроваго успѣха Горькаго это—та тоска, которою пропитаны почти всѣ его произведенія. Это не сонная или злая скука, которую можно разгулять и развлечь, это — тоска глубокая, тянущая за собой, безпричинная, вызывающая иногда на желаніе выразить безумный протестъ противъ самой жизни. Мы такъ сузили, обезкрасили нашу жизнь, такъ тщательно вдавили ее въ узкія рамки, что иногда задыхаемся въ ней. Каждый, буквально каждый мыслящій и чувствующій человѣкъ испыталъ на себѣ хоть временами эту тоску. Ходитъ человѣкъ ежедневно въ департаментъ или куда тамъ на службу, каждый день въ одинъ и тотъ же часъ, по однѣмъ и тѣмъ же улицамъ, мимо тѣхъ же домовъ, вывѣсокъ, извозчиковъ, онъ годами слышитъ однѣ и тѣ же фразы швейцаровъ и служителей, отворяющихъ ему дверь, входитъ въ ту же комнату, садится за тотъ же столъ, среди тѣхъ же сослуживцевъ и принимается за ту же работу, работа эта составляетъ иногда даже не винтъ, а только одинъ нарѣзь винта, вхо-

дящаго въ громадную сложную машину, называемую „государственнымъ благоустройствомъ“. И проводить ежедневно перомъ по одному и тому же нарѣзу винта, не зная ни начала, ни конца линіи, должно, конечно, сдѣлать работу безсмысленной и рутинной. И вотъ этотъ-то чиновникъ, продѣлывающій три четверти своей жизни тупую безъидейную работу, ходящій покорно, какъ бѣлка въ колесѣ, вдругъ въ минуту отдыха вмѣсто „Нивы“ или „Звѣзды“ беретъ въ руки рассказы Горькаго. И передъ нимъ открывается новый міръ. Онъ читаетъ (томъ второй, рассказъ „Коноваловъ“, стр. 49): „Нужно родиться въ культурномъ обществѣ для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе, всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаевъ, маленькихъ, ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненного самолюбія, идейнаго сектанства, всяческой неискренности, однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суеть. „Но куда итти?“ Въ деревнѣ (говоритъ Горькій) почти такъ же невыносимо горько, тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ, гдѣ хотя и все грязно, но все такъ просто и искренно; или итти гулять по

полямъ и дорогамъ родины, что весьма любопытно, очень освѣжаетъ и не требуетъ никакихъ средствъ, ~~кроме~~ хорошихъ выносливыхъ ногъ“.

Это хорошо сказано, заманчиво, красиво, но справедливо ли? Вѣрно ли, что если мы сознаемъ, что тяжелы и несправедливы условія нашей жизни, то надо идти въ труппы городовъ, гдѣ все хотя и грязно, но все-таки просто и искренно. Удовлетворить ли наше исканіе правды видѣ простого и искренняго разврата и пьянства? И правда ли, что тамъ, въ труппахъ, только наружная, кажущаяся грязь, прикрывающая часто и возвышенную душу? Отчего же на томъ днѣ, которое намъ показалъ Горькій въ своей пьесѣ, мы видимъ тѣхъ же людей, безвольныхъ, злыхъ, жадныхъ, интригующихъ на несчастьи или простотѣ своего собрата, людей съ тѣмъ же болѣзненнымъ самолюбіемъ, съ развращающей скукой бездѣлья и еще съ прибавленіемъ ужасной окружающей обстановки. Еще разъ спрашиваю: нашли ли бы мы, интеллигенты, успокоеніе и утѣшеніе, уйдя изъ нашей жизни въ эти труппы?

У Достоевскаго въ разсказѣ „Подполье“ герой восклицаетъ: „Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно...“ и вдругъ прибавляетъ: „Эхъ, да вѣдь и я тутъ

вру. Вру, потому что и самъ знаю, что дважды два четыре, что вовсе не въ подпольѣ лучше, а что-то другое, чего я жажду, чего никакъ не могу найти. Къ чорту подполье“. Но Горькому читатель, въ особенности молодежь вѣрить на слово, что сила въ подпольи, т.-е. въ отреченіи отъ всего.

Читаешь въ разсказахъ Горькаго о морѣ, какъ вѣтеръ ласково гладитъ его мощную атласную грудь, какъ дремотно вздыхаетъ морская гладь подъ нѣжной силой этихъ ласкъ, насыщая воздухъ соленымъ ароматомъ своихъ испареній, какъ бѣгутъ зеленоватыя волны на желтый песокъ, въ песчаную косу, вдавшуюся въ море и видишь, какъ сюда плыветъ въ челнокѣ Мальва, смѣшная и милая, какъ сытая кошка; ее поджидаетъ Василій, старый рыбакъ. У Мальвы зеленоватыя глаза, мелкіе бѣлые зубы, вся она круглая, мягкая, свѣжая, съ ямками на щекахъ. А какія у нея сужденія. „Я въ деревнѣ-то хочу не хочу, а должна замужъ итти, а замужемъ баба вѣчная раба, жни да пряди, за скотомъ ходи, да дѣтей роди, что жъ остается для себя самой, — одни мужнины побои да ругань... А здѣсь я ничья, свободна, какъ чайка, куда захочу, туда и полечу“. И развертывается передъ читателемъ дикая свободная жизнь, сильная, чисто

животная любовь... грезится ему тихій всплескъ соленой волны и задорный смѣхъ купающейся Мальвы, тѣло ея розовое, ласки ея страстныя и въ сравненіи съ его жизнью все это кажется ему такъ заманчиво, такъ безумно хорошо и въ то же время такъ страшно доступно, что онъ начинаетъ тосковать, тосковать новой фантастической тоской, которая сама по себѣ уже есть наслажденіе, потому что она разбудила его отъ оупляющаго, сѣраго сна — сна дѣйствительности. Облокотившись о гранитную набережную Невы, смотритъ читатель на огоньки далеко плывущихъ плотовъ и вспоминаетъ другую женскую фигуру — Марью, лицо которой горитъ подъ губами страстно цѣлующаго ее старика Силана.

И мечтаетъ читатель, грудь его ноетъ подъ наплывомъ неизвѣстныхъ ему ощущеній... А въ умѣ все тѣ же мысли: вѣдь стоитъ только захотѣть, тряхнуть... и порвется эта проклятая цѣпь сѣрой бессмысленной работы, стоитъ только рѣшиться и перешагнуть черезъ людской предразсудокъ, черезъ людскіе законы, связавшіе меня на всю жизнь семейными узами, узами давно сгнившими, бессмысленными... И онъ можетъ и не страшнеть эти узы, не бросить родителей, жены и дѣтей, не поидеть работать на пристань, не

сдѣляется свободнымъ босякомъ, потому что нѣтъ у него на это ни силы, ни здоровья, ни даже искренняго желанія. Но онъ будетъ мечтать объ этомъ, въ душѣ у него залягутъ образы героев Горькаго и въ тяжелыя минуты, въ гнѣвной вспышкѣ онъ будетъ кричать: „Брошу эту проклятую жизнь, оборву всѣ путы и уйду на свободу, въ босяки“.

Какъ же не поклоняться читателю передъ писателемъ, своимъ словомъ, какъ копьемъ пронзившимъ его душу.

И купецъ богатый, и сытый коммерсантъ, любящій покутить и бросить деньги за пѣсню цыганъ и у того защемить сердце, когда онъ прочтетъ, какъ пѣли въ трактирѣ для скучающаго мельника („Тоска“ стр. 269 т. I):

„Эхъ, да въ непогоду-у
Вѣтеръ воетъ, завываетъ,
А мою головушку
Злая грусть терзаетъ.
Эхъ, да я пойду я въ степи,
Въ степи-и
Поищу тамъ доли...
Матушка пустыня - а...“

И мельникъ, свѣсивъ на грудь голову, сидитъ, жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни.

Прочтя это купецъ ли, коммерсантъ ли, немного стыдившійся своего разгула, своихъ трактирныхъ похожденій, получаетъ какъ бы санкцію; онъ вдругъ понимаетъ всю поэзію таюго кутежа, все душевное обновленіе, которое получается отъ такихъ пѣсенъ. Онъ чувствуетъ себя не просто кутящимъ человѣкомъ, а человѣкомъ съ русской широкой тоскующей душой. Разорветъ тоска грудь, если не дать ей время отъ времени такого исхода. И это открылъ ему Горькій и никогда не забудетъ онъ имя этого писателя-человѣка, который одинъ понимаетъ всѣ изгибы тоскующей души. Захватила тоска мельника отъ встрѣчи его съ похоронами какого-то бѣдняка-писателя, надъ гробомъ котораго какой-то ораторъ сказалъ слова: „Засыпали мы души наши хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души, до того привыкли, что и не замѣчаемъ какіе мы всѣ стали деревянные, безчувственные, мертвые“.

И вдругъ въ душѣ мельника, точно голосъ какой-то раздался: „Вѣрно... это такъ“.

А затѣмъ въ одно утро, выйдя съ зарею въ садъ, онъ услышалъ черезъ заборъ, какъ работникъ его Кузьма, весело и страстно отвѣчая на поцѣлуи страстно любившей его дѣвушки, все-таки прощался съ нею, бросалъ ее только потому,

что боялся застояться, что страсть къ бродячей жизни, любопытство къ жизни, „жадность къ жизни“, какъ говоритъ Горькій про своихъ героевъ, звала его бросить покойный уголь, любовь и обезпеченную работу и снова идти бродяжничать на широкой Руси. Дѣвушка готова разделить его всякую долю и молить его:

„— Охъ, милый ты, мой Кузя... хорошій ты мой. Возьми ты меня, горюшу.

„— Вотъ те и на. Она опять за свое... Я ее цѣлую, милую, какъ путную, а она мнѣ камнемъ на шею виснетъ... Ну дѣвка... И всегда эта канитель съ вами.

„— Да, али я не человѣкъ?..

„— Ну, человѣкъ... Ну. А я? Я, значить, не человѣкъ? Скажетъ тоже... Сошлись мы съ тобою по любви... ну и пришло, вотъ, время разойтись. Тоже надо по любви. Тебѣ жить надо, а мнѣ тоже, путать другъ друга намъ не слѣдь... А ты нюнишь. Дурашка. А ты вспомни: сладко цѣловаться со мною Ну. Эхъ, ты.. аладья“...

Снова зазвучали поцѣлуи, прерываемые страстнымъ задыхающимся шопотомъ и глубокими стонущими вздохами.

Эта свобода, этотъ ультра-простой взглядъ на отношенія, способность весело и спокойно разор-

вать всякія путы и очаровываетъ мельника, и вводитъ его въ совершенно новый міръ мыслей и чувствъ, все это обезцѣниваетъ въ его глазахъ его собственное сытое, безцѣльное существованіе, все это доводитъ его до кутежа съ ноющей пѣсней, съ желаньемъ не только выворотить свои карманы, но и душу, если бы это было возможно, а финалъ всего этого — больная голова, разбитость физическая и нравственная и тѣ же смутныя, тяжелыя мысли...

Жизнь... Колебаніе одно только... рябь...

Горькій хорошо выразилъ и скуку, жестокою страшную скуку, которая заставила въ разсказѣ „Скуки ради“ затравить несчастную Арину, молчаливую, покорную любовницу сторожа Гомозова.

А „Зузубрина“, веселый, подвижной, шумный кумиръ тюрмы, который своими выходками и безшабашной веселостью скрашиваетъ и вливаетъ жизнь въ тусклую и скучную тюрму. „Зузубрина“ — артистъ и завидуетъ каждому, на кого, кромѣ него толпа арестантовъ обращаетъ вниманіе. Онъ завидуетъ даже маленькому толстому котенку, съ которымъ возятся всѣ и вотъ онъ этого котенка обмакиваетъ въ зеленую краску. Прибаутки, шутки, пѣсни — и совершаются кре-

стины котенка при взрывѣ дикаго хохота и необузданнаго веселья толпы. И вдругъ котенокъ сдыхаетъ на ихъ глазахъ и въ этихъ простыхъ, грубыхъ сердцахъ, изъ-подъ спуда давящей скуки, заставляющей ихъ набрасываться на всякое развлеченіе, вдругъ просыпается страшная жалость къ замученному животному и они избиваютъ своего бывшаго фаворита „Зазубрину“. Этого чувства хотя бы звѣрской жалости не проснулось въ болѣе культурныхъ сердцахъ людей, затравившихъ Арину.

Читатель часто спрашиваетъ себя: кто герои Горькаго, народъ или пролетаріатъ?

Подъ словомъ „народъ“ мы привыкли понимать мужика и при этомъ не только крестьянина, неразрывно связаннаго съ полемъ и сохой, но и извозчика, дворника, мастерового, т.-е. каждаго временно или періодически оторваннаго отъ деревни, но еще сознающаго себя крестьяниномъ, кровно связаннымъ съ деревнею родствомъ, воспоминаніями и деревенскимъ имуществомъ въ видѣ земли и хаты.

Этотъ народъ, этотъ мужикъ не герой Горькаго. Въ разсказѣ „Челкашъ“ Горькій выводитъ крестьянина, молодого парня, глупаго, жаднаго, жестокаго и трусливаго и сопоставляетъ его съ

босякомъ, свободнымъ, смѣлымъ, хищнымъ и великодушнымъ.

И у читателя въ душѣ остается полное омерзѣніе къ молодому, голубоглазому, простодушному парню, всѣми силами души привязаннаго къ деревнѣ, къ землѣ и рѣшающемуся на убійство ради денегъ. Всѣ симпатіи его на сторонѣ вора, пьяницы, босяка; Челкашъ является героемъ, его непосредственная натура, его сила подкупаетъ и захватываетъ. Нѣтъ, крестьянинъ не герой Горькаго. Не герой Горькаго и пролетарій. Что такое пролетарій? Пролетаріемъ не рождаются, а войти въ эту категорію можетъ всякій изъ насъ: и офицеръ, и чиновникъ, и писатель, и аристократъ, и ремесленникъ, потерявъ средства, не имѣя заработка, дойдя до малодушнаго состоянія отчаянія, можетъ очутиться въ рядахъ пролетаріата. Рука не протягивается просить, языкъ не повертывается высказать свою нужду и готово... Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, скорѣе въ омутъ головой. И бывший сегодня баринъ, бывшая графиня ночуютъ завтра бокъ-о-бокъ съ босякомъ въ ночлежкѣ, какъ баронъ въ пьесѣ „На днѣ“, какъ Сатинъ и актеръ — всѣ слабы, фразеры, всѣ гнутся передъ жизнью. Его герой — настоящій босякъ. Не босой, разутый нуждою, не нищій, стрѣляющій Христовымъ именемъ изъ-за

угла, а настоящей босякъ, котораго не привяжешь никакими деньгами, никакими льготами ни къ землѣ, ни къ труду, ни къ людямъ. Челкашъ— босякъ, Коноваловъ—тоже, онъ говоритъ: „Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго, не нашель я себѣ мѣста“... Разсказываетъ Коноваловъ про свою любовь къ красавицѣ купчихѣ: „Безъ любви какой-нибудь человѣку жить невозможно. Какъ бы не моя планета, не ушелъ бы я отъ нее... Но все-таки ушелъ отъ нее, потому—тоска“.

Коноваловъ не отвѣчаетъ на любовь гулящей дѣвушки Капитолины, онъ освобождаетъ ее отъ постыднаго рабства, но связать ея жизнь съ своею— не можетъ.

„— Ну, куда мнѣ жена. Вотъ такъ каша. И не нравится она теперь мнѣ... Такъ это и засасываетъ она меня, такъ и втягиваетъ куда-то, точно трясина бездонная“.

И Горькій замѣчаетъ: это въ немъ началъ говорить инстинктъ бродяги, возбуждаемое чувство вѣчнаго стремленія къ свободѣ, на которую было сдѣлано покушеніе. Капитолина съ отчаянія спивается и пропадаетъ. Съ Коноваловымъ начинается запой.

„Тошно мнѣ, то-о-шно“, рыдаетъ Коноваловъ въ трактирѣ „Застѣнокъ“, въ послѣднюю встрѣчу

Максима Горькаго съ Коноваловымъ — въ Θεодосіи. Въ душѣ Коновалова живетъ все та же тоска, все та же ржавчина недоумѣнія передъ жизнью и рядъ думъ о ней; „и много на Руси, — говоритъ авторъ, — такихъ задумавшихся людей и тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотой ума. Замѣтте это. Вотъ это и есть настоящіе герои, перечислять ихъ нечего, но характерные признаки ихъ ясны“.

Сила физическая, сила внутренняго большого, но неразвитаго ума, этотъ слѣпой умъ рвется въ нихъ, какъ духъ заключенный въ темницѣ тѣла, онъ помогаетъ имъ угадывать, но не разрѣшать вопросы жизни. Этотъ умъ составляетъ ихъ тайную оболъстительность, выражаясь въ ясныхъ глазахъ, въ дѣтскомъ весельѣ, въ добрыхъ побужденіяхъ, влечетъ къ нимъ сердца женщинъ и онъ же мучаетъ ихъ, какъ мрачный духъ, заставляетъ биться въ тенетахъ непонятныхъ противорѣчій жизни и искать выхода въ пьянствѣ, разгулѣ, безсердечномъ попаніи болѣе слабыхъ личностей. Босякъ Горькаго это — аллегорія, прообразъ всякаго русскаго народа — природный умъ, искра Божья въ сердцѣ и не пробудная тьма невѣжества, бьется онъ въ этихъ силкахъ, коверкаетъ себя и разбиваетъ, а гдѣ свѣтъ, когда придетъ онъ — Богъ вѣсть.

Герои Горькаго не отвергнуты жизнью, они еще не призваны жить, они не нашли еще формы жизни, не просвѣтлены; истина и свѣтъ только издали, косвенно, и иногда въ исковерканномъ видѣ доходить до нихъ. Онъ уже зародилъ въ ихъ умахъ вопросы, зародилъ въ ихъ душахъ стремленія куда-то, къ чему-то, но все еще такимъ же густымъ туманомъ невѣдѣнія покрываетъ всѣ ихъ мысли и стремленія. Россія слишкомъ рѣзко раздѣлилась на свѣтъ и тьму: на людей съ высшимъ образованіемъ, стремящихся къ развитію духа и даже за грань, и на полное невѣжество, съ духомъ покорнымъ колдовству, темнымъ силамъ, съ пресмыканіемъ среди грязи и самой отупляющей непосильной работы. Крестьянинъ, попадая въ городъ отъ дымящей керосиновой лампочки, отъ кваса и лука, изъ-подъ дырявой соломенной крыши и грязной избы, гдѣ живетъ рядомъ со своей скотиной,—въ столицу, гдѣ каждый шагъ развертываетъ передъ нимъ чудеса науки и безумную роскошь, гдѣ искусство, архитектура, живопись, музыка начинаютъ попадаться на всякомъ шагу... онъ окончательно сбивается съ толку и чѣмъ сильнѣе натура, чѣмъ воспримчивѣе, чѣмъ способнѣе къ культурѣ умственной и духовной, тѣмъ хуже, потому что на просыпающіеся внут-

реніе запросы, жизнь не отвѣчаетъ ему исподволь, постепенными разъясненіями, а напротивъ, — бьетъ прямо по нервамъ, путааетъ всѣ понятія, зарождаетъ вопросы: почему, зачѣмъ. Какъ Коноваловъ говоритъ: гдѣ же точка, на которую можно упереться, чтобы удержаться отъ паденія? Какъ можемъ мы строить жизнь, коли мы этого не умѣемъ и наша жизнь не удалась. И выходитъ: зачѣмъ меня мать на свѣтъ родила? Ничего неизвѣстно... темъ... тѣснота... А отъ этихъ вопросовъ до загула, — чтобы кричать: пей, ребята! Пей, отводи душу... Дуй во всю! — одинъ шагъ, шагъ отъ человѣка до босяка, — до босяка отвергнушаго жизнь, въ которой нѣтъ для него свѣта.

Въ умѣ и душѣ героевъ Горькаго идетъ вѣчная переоцѣнка цѣнностей. Все, чѣмъ дорожить человѣкъ достигшій, кажется, презрѣннымъ въ глазахъ тѣхъ, которые правильнымъ путемъ ни до чего достигнуть не могутъ. Матеріальная цѣнность, какъ деньги, которыя составляютъ рычагъ въ рукахъ цивилизованнаго человѣка, не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ босяка.

„— Хочешь итти со мной въ Самаркандъ или Ташкентъ? — спрашиваетъ Максима Горькаго Коноваловъ. — Идемъ! Я, братъ, рѣшилъ ходить по землямъ въ разныя стороны, это всего лучше, —

идешь себѣ и все видишь новое... И ни о чемъ не думается... Дуешь тебѣ вѣтерокъ на встрѣчу и точно выгоняетъ изъ души разную пыль. Легко и свободно... Никакого ни отъ кого стѣсненія: захотѣль ѣсть—присталъ, поработалъ чего-нибудь на полтину... нѣтъ работы—попроси хлѣба—дадутъ. Такъ хоть земли много увидишь... Красоты всякой... айда...“

И мысль о путешествіи, которую такъ лелѣетъ интеллигентъ, которая вслѣдствіе экономическихъ соображеній, витаетъ передъ нимъ недосыгаемой мечтой, эта громадная цѣнность свободы передвиженія, разрѣшается совершенно просто босякомъ и зависитъ всецѣло отъ желанія: „хочешь. Айда.“ Стоимость и цѣнность денегъ отпадаетъ, онъ отвергъ ее и она становится для него нелѣпостью: и сытъ будешь, и земли много увидишь, и красоты всякой.

Вторая цѣнность—любовь.

Какое значеніе придаетъ ей человѣкъ общества, какой мучительный вопросъ создаетъ себѣ изъ нея... сколько страданія, драмъ и непонятаго поприаннаго чувства. А Коноваловъ говорить: „Женщина живетъ и ей скучно, а народъ все замухрышка... Положимъ я,—кучеръ, но женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, недоч. жизни совр. женщины.

и офицеръ—всѣ мужчины. И всѣ передъ ней свиньи“. Это высказанное мнѣніе наивно и лживо, оно доказываетъ только, что для людей сорта Коновалова женщина не представляетъ изъ себя ничего, кромѣ женскаго естества и потому для него, дѣйствительно, нѣтъ разницы между проституткой Капитолиной и любившей его купчихой. Но такихъ грубыхъ, циничныхъ, сильно и авторитетно высказанныхъ мнѣній у Горькаго много и они читателемъ принимаются, какъ истина.

А женщина? Это до сихъ поръ неразгаданное существо. Сколько томовъ написано о женщинѣ, сколько ученыхъ трактатовъ, какой громадный вопросъ, „женскій вопросъ“ поднять теперь и въ жизни, и въ литературѣ, а тотъ же Коноваловъ говоритъ: „Ну... вотъ ты говоришь: и баба—человѣкъ. Извѣстно, ходитъ она на однѣхъ заднихъ лапахъ, травы не ѣстъ, слова говоритъ, смѣется... значить не скоть. А все-таки нашему брату не компанія. Н-да... Почему? А... не знаю... Чувствую, не подходить, но понимать не могу—почему“... И эта цѣнность имъ обезцѣнена.

А книга? Книга, безъ которой не можетъ жить интеллигентъ и говорить: „Ну, заточите меня куда хотите, сошлите, но дайте мнѣ книгу... Книга... это — мѣръ...“

А босякъ говоритъ: „Книги. Ну, будетъ ужъ, чай, тебѣ книги читать, не для этого поди-ка ты родился... Да и книга... чепуха... Ну, купи „ее“ (т.-е. въ буквальноймъ смыслѣ одну хорошую книгу), положи въ котомку и иди.“

А ученье, безъ котораго намъ кажется тьма, а работа, безъ которой нѣтъ здоровой нравственности, — вотъ оцѣнка ученья и работы по словамъ, которыя Горькій вкладываетъ въ уста Макара Чудры: „учиться и учить—говоришь ты? А ты можешь научиться сдѣлать людей счастливыми? Нѣтъ, не можешь. Ты посѣдѣй сначала, да и говори, что надо учить. Всякій знаетъ, что ему нужно. Которые умнѣе, тѣ берутъ, что есть, которые поглупѣе, тѣ ничего не получаютъ и всякій самъ учится. Смѣшные работаютъ. Зачѣмъ? Кому? Никто не знаетъ. Видишь, какъ человѣкъ пашетъ и думаешь: „вотъ онъ по каплѣ съ потомъ силы свои источить на землѣ, а потомъ ляжетъ въ нее и сгниетъ въ ней. Ничего по немъ не останется, ничего онъ не видитъ съ своего поля и умираетъ, какъ родился дуракомъ. Что же онъ родился, затѣмъ что ли, чтобы поковырять землю и умереть, не успѣвъ даже могилу самому себѣ выковырять? Какъ только родился онъ—рабъ и во всю жизнь рабъ, да все тутъ. Что онъ съ

собой может сдѣлать? Только удавиться, коли поумнѣетъ немного.“

А цѣна обществу людскому, безъ котораго нельзя жить, цѣна дружбы, товарищества, цѣна умственнаго общенія? Вѣдь въ одиночествѣ интеллигентный человѣкъ можетъ пропасть, съума сойти. А Коноваловъ говоритъ: „Читала мнѣ сестра милосердія книгу насчетъ англичанина-матроса, который спасся отъ кораблекрушенія на безлюдный островъ и устроилъ на немъ себѣ жнзнь. Интересно, страхъ какъ. Очень мнѣ понравилась книга; Такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь! Островъ, море, небо, ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть, и совершенно ты свободенъ. Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ—на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно.“

И Мальва говоритъ: „Сѣла бы я въ лодку и въ море далеко-о, чтобы никогда больше людей не видать“. И такъ переоцѣниваетъ босякъ всѣ жизненные, и матеріальныя, и нравственныя цѣнности интеллигента. Нашъ принципъ жизни: по одежкѣ протягивай ножки... и задача счастья интеллигента—приноровиться къ жизни и жизнь приурочить къ себѣ, чтобы достичь довольства и

спокойнаго наслажденія жизнью — непонятна и смѣшна босяку; ему нужна жизнь черезъ край.

Григорій Орловъ говоритъ: „Горить у меня душа... хочется ей простора... чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую необоримую... Понимаешь, на сто ножей бросился бы я... Вотъ я хочу эту самую радость испытать, и чтобы было много ее... задохнуться бы мнѣ въ ней“...

И жена его Матрена ищетъ работы „во всю“, Марья на плотяхъ „жадна жить“ и душа Челаша „жадна на впечатлѣнья“, и засыпка мельника, Кузька говоритъ: „жить надо такъ и такъ... во всю чтобы“. Съ этой жаждой жизни соединяется у Горькаго удивительная жестокость жизни. Мальва, въ минуту прилива этой злобной силы говоритъ: „избила бы весь народъ, а потомъ себя страшной смертью“. Орловъ мечтаетъ: „раздробить бы всю землю въ пыль, встать выше всѣхъ людей, плюнуть на нихъ съ высоты и потомъ внизъ тормашками и вдребезги“. Кувалда (Бывшіе люди“), тотъ съ бѣшенымъ наслажденіемъ хотѣлъ бы „чтобы вся земля вспыхнула и разорвалась бы вдребезги, лишь бы я погибъ послѣднимъ, посмотрѣвъ сначала на другихъ“. И всѣ герои Горькаго страдаютъ этой маніей величія, не

имѣя силъ разобратъся въ своемъ душевномъ не-
устройѣ, не имѣя ни нравственнаго развитія, ни
общечеловѣческой, культурной жизни, они не мо-
гутъ накормить свой голодающій умъ и ищутъ
исхода въ борьбѣ, въ подвигахъ, въ разгулѣ, лишь
бы вылиться, выдвинуться, развернуть свою мощь.
Сила, скованная въ ихъ груди, ищетъ уродливаго
выхода и доставляетъ имъ прямо наслажденіе.
Самъ авторъ говоритъ за нихъ: „какъ бы низко
не палъ человѣкъ, онъ никогда не откажетъ себѣ
въ наслажденіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе,
хотя бы сытѣе своего ближняго“. Макаръ Чудра
говоритъ: „коли жить, такъ ужъ жить царями
надъ всей землей“.

И всюду во всѣхъ разсказахъ Горькаго, какъ
основа характеровъ всѣхъ его героевъ это — же-
ланіе встать имъ выше всего.

Но вѣдь подобные люди часто встрѣчаются въ
жизни, именно среди озлобленныхъ темныхъ или
мало развитыхъ людей. Вино или обида, которая
волнуетъ кровь и пьянитъ человѣка не менѣе вина,
вдругъ заставляють его, что называется, ломаться
надъ людьми, плевать на все, доходить до кощун-
ства. У ничтожныхъ людей, дорвавшихся до вла-
сти, въ какой бы степени и надъ кѣмъ бы она
ни была предоставлена имъ случаемъ, всегда бу-

деть упоеніе этой властью, всегда будутъ истязанія и оскорбленія того, кто имъ подчиненъ. Купеческое „чего нога хочет“, полицейская затрепщина, со словами „честью просятъ“ и до дѣтскаго мучительства безсловеснаго животнаго, всѣмъ извѣстна эта жестокость, какъ больная сторона жизни, а не какъ возвышающая сила.

Любовь, какъ право на муку, тоже одинъ изъ тезисовъ, который красной нитью проходитъ во всѣхъ разсказахъ Горькаго.

Идея любви, какъ право на муку не нова.

Это относится къ наслажденію физической болью. У Достоевскаго въ разсказахъ есть и острое наслажденіе въ мученіяхъ другъ друга изъ любви, любовь-то и состоитъ въ добровольно дарованномъ правѣ тиранствовать и издѣваться. Мальва додразниваетъ влюбленнаго въ нее старика Василья до того, что онъ жестоко бьетъ ее, а она и не охнетъ. Орловъ любитъ и ревнуетъ свою жену, и бьетъ ее по животу ногами. Жену его, Матрену, „побой озлобляли и это чувство злобы доставляло ей великое наслажденіе“. Авторъ говоритъ, что она не гасила его ревности, напротивъ, улыбалась ему загадочно, а онъ беспощадно билъ ее. Зачѣмъ она поступала такъ? А затѣмъ, что за побои и оскорбленія ожидала страстныхъ, нѣжныхъ

словъ примиренія... Когда Коноваловъ разстается съ своей купчихой, та зубами вцѣпляется въ его руку и выхватываетъ цѣлый кусокъ мяса. Старуха Изергиль говоритъ, что когда ея любовникъ разъ ударилъ ее въ лицо, то она, какъ кошка, вскочила на грудь и вцѣпилась ему зубами въ щеку, съ той поры у него на щекѣ стала ямка и онъ любилъ, когда она цѣловала ее.

И такъ повсюду тонко и грубо разсыпано острое наслажденіе муки въ любви и какъ бы предоставленнаго любви права на истязанія и муку. Во всѣхъ разсказахъ Горькаго есть босяки реальные, хотя они безспорно прикрашенные душевными страданіями и силой, которыми слишкомъ надѣлили ихъ авторъ. Они выльщены авторомъ грубо, смѣло, но мы все-таки признаемъ въ нихъ людей, прислушиваемся къ ихъ словамъ и они затрогиваютъ нашу душу, требуютъ отчета, тревожатъ совѣсть, будятъ жалость, отчасти порождаютъ и зависть, и восхищеніе. Это все описаніе тѣхъ людей, съ которыми Горькій встрѣчался, жилъ и работалъ, но не надо забывать, что онъ писалъ о нихъ не тогда, когда они стояли передъ нимъ, а тогда, когда онъ отошелъ отъ нихъ, когда уже выплылъ изъ омута кабаковъ и подпольевъ, вызванные воспоминаніями, смягченные жалостью къ

нимъ, они стали передъ его душой въ своихъ лучшихъ очертаніяхъ, и онъ густо наложилъ на нихъ краски.

Каждый изъ насъ знаетъ, что въ свѣтлыя минуты прошлое страданіе поэтизируется, въ страшной боли, уже перенесенной, лежитъ какая-то сладкая горечь.

Но есть у Горькаго и босяки отвлеченные. Ему не даромъ далось безсистемное чтеніе французской эффектной литературы о поэтическихъ бродягахъ, о благороднѣйшихъ разбойникахъ.

У Горькаго много такихъ легендарныхъ героевъ, онъ любитъ сказки и самъ себѣ ихъ рассказываетъ цвѣтисто и жарко. Его Макаръ Чудра, красавецъ Лойко, красавица Рада, Изергиль — фантастическая старушка, все это — мелодрама, все это — дань наивной, поэтической души гениальнаго босяка, зачарованнаго солнцемъ, моремъ, свободой, бродяжнической жизнью, степями широкими, небомъ синимъ, да пѣсней захватывающей. Все это не реально, все это наивно, но все это страшно талантливо и страшно красиво.

Горькій поетъ и такъ хороша, поэтична, такъ громка и сильна его пѣсня, что къ ней прислушиваются всѣ, а чуткая молодежь въ особенности, и ей жаль его невозможнаго героя Лару,

подъ собственнымъ именемъ котораго надо понимать всѣхъ босяковъ Горькаго. Цѣлый классъ людей, выкинутыхъ за бортъ жизни, выкинутыхъ не по ихъ винѣ, а по какому-то странному предопредѣленію рока. Лара это—незаконный ребенокъ, подкидышъ, сынъ орла и женщины, безотвѣтной рабыни, которая только стоитъ на колѣняхъ и плачетъ. Онъ выросъ въ ненависти, живетъ насиліемъ. Босяки Горькаго — не новость. Такіе люди съ грудой запросовъ на жизнь, съ путями неразвитаго ума, не могущаго дать отвѣтъ на эти запросы, и съ непоборимымъ отвращеніемъ къ всякому труду, съ ненавистью къ обществу, среди котораго не нашли себѣ правильнаго мѣста, разбросаны всюду. Типы ихъ встрѣчаются и во всѣхъ слояхъ жизни, и въ литературѣ всего свѣта, разсыпанные у многихъ авторовъ. Во французской литературѣ у Жанна Риктусъ (Jean Ric-tus) въ его „Loliloques du pauvre“ и та же протестующая обвинительная рѣчь оборванца, то циничная и грубая, то полная благородной гордости. Въ драмѣ Ришпена „Придорожникъ“ — „Le chemi-peau“ выведенъ такой же тоскующій бродяга, красивый и стройный, кудрявый, съ пѣсней, которая будитъ силу и надежду во всѣхъ сердцахъ; онъ ходитъ по дорогамъ изъ деревни въ деревню, изъ

города въ городъ, всюду могучимъ плечомъ, выносливой спиною, сильными руками помогаетъ въ работѣ и, наконецъ, заходитъ въ одну деревню, гдѣ не былъ 22 года, а тамъ встрѣчаетъ дѣвушку, когда-то любимую, которую изъ страсти къ бродяжничеству бросилъ такъ же, какъ Кузьма, работникъ мельника, свою Любу, какъ Коноваловъ свою купчиху. Находитъ онъ тамъ и сына своего, взрослога парня и, не смотря на эту семью, готовую принять его съ лаской и любовью онъ все-таки снова бросаетъ ее, и все, и уходитъ. Онъ „придорожникъ“, дорога—родина его и при ней въ какой-нибудь канавѣ—его могила.

И въ современной французской и нѣмецкой литературѣ часто встрѣчается этотъ типъ. Но, тѣмъ не менѣе, босяки не классъ, босяки не общество, босяковъ нельзя ни переродить, ни перевоспитать. А такихъ босяковъ, какихъ описываетъ Горькій, нельзя создать, какъ нельзя создать поэта, художника, генія... Съ зародышемъ такого босячества, такихъ стремленій, такой силы, красоты и гордости, надо родиться.

Такой босякъ можетъ выйти изъ всѣхъ слоевъ общества, онъ будетъ носить въ себѣ таинственное наслѣдіе совокупности милліона прошлыхъ жизней, изъ которыхъ зародилась его душа. И

напрасно Горькій въ своей жалости къ бродячей бездомной Руси, приписалъ ей титаническія свойства идеальнаго босняка. Онъ опозитизировалъ, одѣлъ золотомъ видѣнную имъ грязь, своимъ собственнымъ вдохновеніемъ наполнилъ ихъ рѣчи, своимъ неперебродившимъ въ немъ самомъ, знакомствомъ съ философами, учеными и литераторами, съ помощью всего имъ изученнаго и прочитаннаго, заставилъ ихъ философствовать и говорить невозможнымъ для нихъ языкомъ, несродныя имъ понятія. Но онъ описалъ все это такъ хорошо, заставилъ молодежь такъ много думать, страдать, такъ волновалъ ее, что тѣ ему глубоко благодарны за созданный имъ миражъ. Всѣ такъ привыкли съ тоской и горемъ прислушиваться къ жизни, къ карканью воронъ, къ ихъ пѣснѣ:

„Въ борьбѣ съ суровымъ рокомъ
Намъ, ничтожнымъ, нѣтъ спасенья,
Все, на что ни взглянешь окомъ
Боль и горе, прахъ и тлѣнье.
Страшны удары рока,
Мудрый пусть имъ покорится“...

И вдругъ раздалась пѣсня Чижа, зауряднаго маленькаго, сѣренькаго Чижа:

„Я слышу карканье воронъ
Смущенныхъ холодомъ и тьмой....

Я вижу мракъ,—но что мнѣ онъ,
Коль бодръ и ясенъ разумъ мой....
За мной, кто смѣлъ. Да сгинетъ тѣма.
Душѣ живой—въ ней мѣста нѣтъ.
Зажгемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ....
Кто честно смерть пріялъ въ бою,
Тотъ развѣ палъ и побѣжденъ?
Паль тотъ, кто робко грудь свою
Прикрывъ, ушелъ изъ битвы вонъ...
Друзья! и тотъ палъ, кто боясь
Труда, волненій, боли ранъ,
О битвѣ судить, погружаясь
Въ философическій туманъ“....

Развѣ не ясно выражена здѣсь рознь стараго и молодого поколѣнія, отцовъ, усталыхъ въ борьбѣ и покоренныхъ жизнью и юныхъ борцовъ, готовыхъ положить свою жизнь за идеалы? Да, все это сильно, красиво, и страшно печально, потому что нигдѣ не указывается середины, нигдѣ не говорится: вооружившись опытомъ и знаньемъ, крѣпись, надѣйся, а только—или покорись, или смерть прими въ бою.

Горькій нигдѣ не упоминаетъ о Ницше, можно подумать, что онъ его не читалъ, а между тѣмъ и Ницше и Шопенгауера такъ много въ его идеяхъ и сужденіяхъ. Правда, нѣмцы не призна-

ють Ницше народникомъ и говорятъ про него, что онъ, несмотря на то, что громить аристократію и капиталъ все-таки самъ durch und durch пропитанъ аристократизмомъ, но онъ точно также мечтаетъ погибнуть на какомъ-нибудь великомъ недостижимомъ подвигѣ, онъ точно также для сильнаго проповѣдуетъ одиночество — Einsamkeits — lehre, т.-е. науку объ одиночествѣ, онъ признаетъ что въ сильныхъ живетъ страстная жажда власти и что этотъ сильный имѣетъ право быть жестокимъ надъ слабымъ и трусливымъ и что эта жестокость въ самой себѣ заключаетъ наслажденіе. Въ „Утренней зарѣ“ Ницше говорить, что тотъ, кому тѣсно въ своемъ отечествѣ пусть идетъ, идетъ и ищетъ новыхъ странъ, гдѣ онъ можетъ основать свое владычество. И даже пѣсня Горькаго о „Чижѣ“ странно и созвучно отдается въ одной изъ статей Ницше.

Много общаго у героевъ Горькаго, людей грубыхъ, пьяныхъ, преступныхъ, съ героями Достоевскаго, въ особенности, въ мучительныхъ вопросахъ, въ тоскѣ, въ наслажденіи болью и страданіемъ другого, а главное—въ признаніи за собой права на сверхъ-человѣка, на судью и палача всѣхъ обыкновенныхъ мелкихъ людей.

Сидятъ ли босяки Горькаго въ ямѣ? Нѣтъ. Въ

этой ямѣ сидятъ и задыхаются невольные бѣдняки, мелкіе, порочные, затолченные жизнью люди, которые попали туда случайно и которымъ выкарабкаться оттуда нѣтъ силъ. Но, вѣдь, это не герои Горькаго, это—добыча полицейскихъ участковъ и нищенскаго комитета; герои Горькаго—орлы. Эти люди считаютъ ямой нашу жизнь, жизнь рабовъ цивилизаціи, это—мы осторожные дятлы, не вѣрящіе, чтобы былъ выходъ изъ нашей жизни, которые, разъ узнавъ, что земля кругла, убѣждены, что куда бы мы не пошли, земля повернетъ насъ къ тому же мѣсту—источнику рабства, яму, въ которой живутъ такіе босяки, какъ Коноваловъ, Челкашъ, разные Зобары и Лойко, гдѣ бывають такія встрѣчи, какъ у самого Горькаго „Однажды осенью“ съ дѣвушкой Наташей. Горькій забросалъ яму лучами солнца, соловьиными пѣснями и душистыми розами такъ, что насъ, людей, избитыхъ жизнью, тянетъ къ ней, а у молодежи духъ захватываетъ и голова кружится отъ одной мысли о ней.

Слабо очерченными мутными фигурами, какъ бы пятнами въ рассказахъ Горькаго является интеллигентъ и женщина, а ребенокъ отсутствуетъ. Для Ницше женщина—игрушка и лучшее призваніе ея одно: родить сверхъ-человѣка, а объ отноше-

ніяхъ къ ней онъ того мнѣнія, что если идешь къ женщинѣ, не забудь захватить съ собою кнутъ. И у Горькаго женщина большею частью только сладострастная самка, плачетъ она и липнетъ къ человѣку. Много въ ней и распутства, и жестокости. Мальва стравливаетъ своихъ поклонниковъ, Капитолина Коноваловская видитъ все спасеніе въ его любви и чуть только не нужна ему, снова погружается въ ту же грязь, и Наташа не видитъ ничего выше булочника съ рыжими усами и только сверхъ-женщина Радда смѣется надъ влюбленнымъ въ нее Зобаромъ, да Варенька Олесова не поддается гнуснымъ исканіямъ приватъ-доцента Полканова и за его гаденькое подсматриваніе пока она купается называетъ его „гадкимъ псомъ“ и, свернувъ жгутомъ простыню, отшлепываетъ его до безпамятства.

Въ „Өомѣ Гордѣевѣ“ выставляеть онъ также сверхъ-женщину, напоминающую собою и Мальву, и Изергиль,— Сашу, которая на кабацкую выходку Гордѣева—перерубить канатъ плота, на которомъ кутитъ какая-то пьяная компанія съ женщинами, отвѣчаетъ тѣмъ, что, бросившись въ воду, приплываетъ къ тому плоту, гдѣ находится Өома и мокрая, холодная, какъ рыба, безумными ласками,

приковываетъ къ себѣ сердце этого самодурнаго героя.

Но къ героямъ и героинямъ Горькаго намъ придется еще вернуться при разборѣ его пьесъ: „Мѣщане“ и „На днѣ“, а пока, кончая съ его мелкими рассказами, я хочу только еще разъ повторить, что покоришь Горькій нашу молодежь во первыхъ, силою своего таланта, а, во вторыхъ, тѣмъ, что закидалъ онъ ихъ массою вопросовъ, разбудилъ тысячи думъ, а главное—властною рукою сжалъ ихъ молодое сердце и заставилъ страдать и плакать, страдать и плакать, какъ чловѣка, который могъ бы летать, да гдѣ-то въ хламѣ жизни потерялъ свои крылья. Вотъ въ чемъ и сила Горькаго. Вотъ въ чемъ и вина Горькаго, что подъ видомъ грубой реальной жизни, онъ показалъ намъ такую радугу, гдѣ не отличишь основного цвѣта отъ массы переливовъ и лучей.

Итакъ, резюмируя вліяніе Горькаго на молодежь, я еще разъ повторяю, что обязанъ онъ своимъ исключительнымъ успѣхомъ: 1) безусловному таланту; 2) прекрасному, богатому и выразительному языку и 3) не тѣмъ, что герои его — босяки, а тѣмъ, что въ силу того, что они босяки, т.-е. люди порвавшіе со всѣми законами общества, онъ вкладываетъ въ ихъ рѣчи ненависть къ недоч. жизни совр. женщины.

властямъ, установленному закону, порядку, жизни, страстную любовь къ свободѣ, не только въ формѣ передвиженія, но къ свободѣ во всѣхъ отношеніяхъ, къ свободѣ безсемеинности, презрѣнія къ женщинѣ, онъ какъ бы даетъ имъ право ненависти ко всему, чему до сихъ поръ подчинялся человѣкъ, какъ семьянинъ и какъ гражданинъ. У героевъ Горькаго нѣтъ дѣтей, среди женщинъ нѣтъ матерей, вездѣ сила, подавляющая слабость, сила физическая, какъ торжество, и самоупоеніе, сила нравственная, только какъ отпоръ насилію, а насиліемъ у него называется и работа, и любовь, и семья.

Все это производитъ громадное впечатлѣніе на молодежь, потому что молодость сама въ себѣ есть сила, а сила всегда готова на протестъ и на отпоръ. Молодая кровь сама въ себѣ вскипаетъ быстро, а потому, если найдется вождь, который на своемъ знамени напишетъ: впередъ за мной! Да погибнетъ всякое насиліе, всякій гнетъ и да здравствуетъ справедливость и свобода!—тотъ можетъ быть увѣренъ, что за нимъ бросится толпа, страстно бросится, не разбирая даже какую власть хочетъ онъ опрокинуть, какую свободу завоевать, а такими сильными красивыми словами Горькій забрасываетъ читателя,

ослѣпляетъ его, не давая даже разобраться въ чувствахъ. Его громадный талантъ подкупаетъ молодежь и она ослѣплена до того, что недопускаетъ даже безпристрастной добросовѣстной критики произведеній Горькаго.

Неожиданный и крупный успѣхъ Андреева частью основанъ на скандалѣ.

Я передамъ маленькую сценку, свидѣтельницаю которой я была. Уѣзжая изъ Москвы, на вокзалѣ Николаевской жел. дороги я остановилась около кіоска съ книгами. Подошли двѣ дамы, одна спросила: „Есть у васъ Андреева „Въ туманѣ“? Продавецъ отвѣтилъ: „Этого въ изданіи нѣтъ“.

— Ахъ, какъ жаль, — искренно заволновалась дама и пояснила другой:— знаешь, говорятъ, это такая гадость, такая гадость, что необходимо прочесть... нигдѣ не могла достать...

Когда графиня Толстая напечатала свое письмо, въ сущности говоря совершенно излишнее, то этимъ самымъ до того поднялся интересъ къ рассказамъ Андреева, что они немедленно были переведены на французскій языкъ.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ поднялась цѣлая

переписка отъ отцовъ и „дѣтей“, множество писемъ было отъ молодежи, которая съ негодованіемъ и омерзѣніемъ оправдывалась отъ взводимой на нее клеветы въ разсказѣ „Бездна“. Но были и такія письма, въ которыхъ писавшіе, если и находили безобразнымъ разсказанный фактъ, то, тѣмъ не менѣе, соглашались, что „природа любви неизменна и груба, а потому и безнравственна, отнимите отъ нее обыденную обстановку нѣжности, ухаживанія, ну хотя бы просто того необходимаго вступленія, безъ котораго не могутъ обходиться сколько-нибудь еще совѣстливые люди и любовь обратится въ животную, грубую и жестокую похоть.“ Самое вѣрное, что можно было извлечь изъ всѣхъ полученныхъ писемъ газетой, это то, что въ извѣстной части русской молодежи живетъ сознаніе того, что цѣломудріе и чистота не есть противоестественное насиліе надъ природой, а просто состояніе совмѣстимое съ чувствомъ истинной человѣческой жизни, для которой половой вопросъ, не обусловленный любовью и правами брака, является чѣмъ-то неизменнымъ и постыднымъ. Если сознаніе это высказанное во многихъ письмахъ, искренно, то оно значительно облегчаетъ проповѣдь о возможности и необходимости того же цѣломудрія среди молодыхъ людей, какое тре-

буется и отъ молодыхъ дѣвушекъ. Значить проповѣдь эта будетъ основываться не только на суровости и чистотѣ религіи, на доводахъ нравственности, соціальной справедливости и гигиены, но и на собственной глубокой потребности чистоты.

Нечего обольщать себя, что такіе взгляды раздѣляетъ большинство молодежи, нельзя требовать, чтобы пылкій до необузданности юноша тоже разсуждалъ такъ. Но нужно радоваться уже тому, что часто и многими высказывается стремленіе къ чистотѣ и воздержанію.

Были между письмами и хвалебные гимны г. Андрееву. Письма матерей сводятся въ большинствѣ случаевъ къ одному. Пусть только каждый отецъ пойметъ, что добывая средства къ жизни, этимъ не исчерпываются всѣ его обязанности по отношенію къ семьѣ, такъ какъ онъ не можетъ быть замѣнимъ матерью въ нѣкоторыхъ сторонахъ воспитанія сыновей. Какъ говорить матери о нѣкоторыхъ вещахъ съ сыномъ, какъ начать? Вотъ мучительные вопросы. Отецъ же, удѣляя хоть немного времени, чтобы разумно слѣдить за развитіемъ своего сына можетъ отъ многого его предостеречь. И пока отцы не сознаютъ необходимости вникать въ воспитаніе сыновей, наши дѣти будутъ „въ туманѣ“.

Итакъ, одни восхищаются смѣлостью автора, сорвавшаго покровъ съ тайны, другіе возмущаются, говоря, что рассказы его наталкиваютъ, навязываютъ преждевременнымъ раскрытіемъ язвъ и тайнъ, тѣмъ, которые еще не думали о нихъ. И горячая полемика устная и письменная, съ одинаково страстными восхваленіями какъ и нападками, сдѣлали то, что имя г. Андреева не сходитъ съ устъ молодежи, и книга его, гдѣ напечатана „Бездна“, разошлась въ 24000 экземплярахъ.

Я не стану разбирать рассказъ „Бездна“. Для меня, какъ для женщины, какъ для одной изъ тысячи женщинъ уже высказавшихся по поводу этого рассказа, онъ недоступенъ, непонятенъ, въ особенности, если герой его, студентъ, нормальный юноша, любившій погибшую дѣвушку. Второй не менѣе знаменитый рассказъ „Въ туманѣ“, я могу только разбирать въ его средней части, касающейся отношенія Павла Рыбакова къ семьѣ. Начало этого рассказа съ прогулкой молодежи въ лѣсу, шутками, смѣхомъ, и пѣніемъ, я пропускаю, оно написано хорошо, но не лучше, не ярче многихъ такихъ описаній разсыпанныхъ по романамъ и рассказамъ всевозможныхъ авторовъ.

Я не беру и послѣднюю часть рассказа, т. - е. встрѣчу Рыбакова съ проституткой и картину

убійства, потому что въ этой части только отвратительныя, антилитературныя и неправдоподобныя подробности, принадлежать перу г. Андреева, остальное взято имъ протокольно изъ убійства гимназистомъ проститутки въ 1901 году въ Москвѣ, въ Богословскомъ переулкѣ.

Когда я прочла именно среднюю часть разсказа „Въ туманѣ“ мнѣ стало страшно, потому что тутъ почуялась правда, правда громадной пропасти между родителями и дѣтьми, полное неуменье однихъ подойти къ другимъ, полная безпомощность сына и полная безсознательность отца.

Отецъ можетъ не знать, что сынъ физически боленъ, но вотъ онъ нашелъ рисунокъ, сдѣланный сыномъ, рисунокъ настолько циничный, что онъ понимаетъ, что сынъ его нравственно боленъ, что разумъ его искаженъ, кровь заражена, мысли грязны. И вотъ, съ этимъ рисункомъ въ карманѣ онъ идетъ въ комнату сына и между ними начинается игра кошки съ мышкой. Сынъ чувствуетъ, что вотъ-вотъ, сейчасъ что-то разразится, что всѣ эти „умные“ и „товарищескіе“ разговоры отца только прелюдія, а вотъ сейчасъ надвинется что-то грозное, страшное, что и есть настоящее. Входитъ мать, тоже не злая, не дурная женщина, но вѣроятно одинаково, какъ отецъ считающая,

что если дѣти ихъ сыты, одѣты чисто и обезпечены возможностью правильнаго ученія, то для нихъ все сдѣлано и требовать большаго отъ родителей никто не имѣеть права. Мать ласково треплетъ сына по щекѣ, и очевидно обрадованная тѣмъ, что застала его въ бесѣдѣ съ отцомъ, уходитъ, ничего не замѣтивъ, ничего не почувствовавъ. Ея материнскій инстинктъ, какъ и материнская кровь, молчатъ, не чувствуютъ ни физическихъ, ни нравственныхъ страданій своего ребенка, а между тѣмъ всѣ мы, женщины, знаемъ, какъ болѣзненно-чутки мы къ тѣмъ, кого мы любимъ, какъ трудно отъ насъ скрыть и обмануть наше чутье даже и болѣе искуснымъ людямъ, чѣмъ былъ стоявшій передъ нею мальчикъ ея сынъ. Итакъ, мать уходитъ. Отецъ вдругъ вынимаетъ рисунокъ: „Это ты рисовалъ“? И эта бумажка, эта дрянъ съ пошлымъ рисункомъ, которая еще ровно ничего не значитъ, которая не могла имѣть большаго значенія, какъ иногда циничная грубая ругань, въ устахъ совершенно добродушнаго и неиспорченнаго уличнаго мальчика, въ эти минуты ему кажется важнѣе всего и при сознаніи сына гнѣвъ и отвращеніе такъ охватываютъ его, что онъ ничего не находитъ, ничего не можетъ сказать, ни вызвать изъ души своего сына

и почти убѣгаетъ, хлопнувъ дверью и крикнувъ, чтобы его не ждали къ обѣду.

Того, что произошло послѣ съ его сыномъ, онъ не могъ предвидѣть, потому что не вникъ въ глубину души, а своимъ барскимъ, брезгливымъ сужденіемъ остановился только на развращенности мысли сына, онъ не разобралъ даже, мысль ли пришла послѣ фактовъ, или фактъ навелъ на мысль. Рисунокъ ли есть слѣдствіе паденія, или, напротивъ, рисунокъ есть первая ступень, которая можетъ повести къ паденію. Онъ не попытался проникнуть въ эту тайну и, бросивъ скомканнаго, нервно-измученнаго, болѣзненно-разбитаго ребенка на произволъ собственныхъ мыслей и обсужденій—бѣжалъ.

Вотъ это—ужасъ того, какъ дѣти далеки отъ родителей. Мать еще находитъ дорогу къ сердцу дочери, она большею частью хранительница ея чистоты и дѣвичьихъ тайнъ, но отецъ почти всегда чуждъ духовному міру сыновей, а такъ какъ и мать въ большинствѣ случаевъ не умѣетъ подойти къ сыну въ этомъ вопросѣ, то и предоставлены наши сыновья самимъ себѣ. И бьются они, и падаютъ, и гибнутъ безъ помощи. Отъ матери требуется, чтобы дочь ея была чиста до брака. Каждая ошибка, а тѣмъ болѣе паденіе до-

чери всецѣло приписывается недосмотру матери, или еще хуже — ея преступному равнодушію. Мать погибшей дѣвушки почти всегда осуждается строже даже самой дочери. Такъ несправедливо ли будетъ, если гибель и паденіе сыновей общество будетъ ставить тоже въ вину отцовъ? Вѣдь одному бороться противъ соблазновъ, дурныхъ совѣтовъ товарищей и милліона развращающихъ побочныхъ вліяній литературы, выставокъ, прислуги и улицы — трудно, почти невозможно, но съ помощью отца, дружбой котораго сынъ гордится, съ помощью его примѣра, его совѣтовъ, его общества — легко или вполнѣ остаться чистымъ, или по возможности нравственно и спокойно отнестись ко всякому явленію. Я думаю, что вопросъ привлеченія отцовъ къ воспитанію сыновей не однимъ словомъ, но и примѣромъ жизни — наступилъ. Отъ отца прежде требовалось только одно — добываніе средствъ къ существованію, но съ тѣхъ поръ, какъ женщина тѣмъ или другимъ способомъ согласилась принимать въ этомъ участіе и сама вышла изъ роли взрослого ребенка, бременемъ лежащаго на рукахъ мужа, родители совмѣстно могли бы разрѣшить проклятый вопросъ, губящій сыновей и помочь имъ по силѣ возможности здраво и нравственно перешагнуть юношескій періодъ.

Я обвиняю г. Андреева не въ томъ, что онъ написалъ рассказы, въ которыхъ грубо и прямо называетъ факты своими именами, и разоблачаетъ страшныя тайны изъ жизни нашихъ сыновей, нѣтъ—можно было бы за это сказать автору спасибо. Даже единичные случаи, если они взяты имъ изъ жизни и какъ призракъ смерти, поставлены передъ глазами матерей и отцовъ, полезны для жизни, но я обвиняю его въ развращеніи молодежи. Его ненужныя, детальныя и въ то же время туманныя описанія, на примѣръ, рисунка, найденнаго отцомъ Павла Рыбакова и масса невыносимо циничныхъ подробностей, слишкомъ реальныхъ и написанныхъ отрывочными словами, намеками, способными дразнить дурно направленное воображеніе. Его рассказы вредны молодежи не такъ по сути, какъ по формѣ, въ этомъ онъ безусловно виноватъ. Рассказъ г. Андреева „Мысль“, вѣроятно, извѣстенъ всѣмъ. Герой, признающій себя сверхъ-человѣкомъ, хочетъ испытать свои нервы и пробирается въ комнату горничной, дѣлившей свои ласки одинаково съ нимъ и съ его отцомъ, въ ту ночь, когда рядомъ въ комнатѣ лежитъ трупъ его отца. Студентомъ онъ воруетъ деньги у товарища и прокучиваетъ ихъ въ ресторанѣ, зная, что въ то время обокраденный товарищъ голодаетъ. Онъ сим-

мулируетъ припадки умопомѣшательства для того, чтобы безнаказанно убить друга. Авторъ втеченіе всего этого разсказа играетъ душой читателя, выставляя своего героя, Керженцова, то безумнымъ, то совершенно нормальнымъ человѣкомъ. По прочтеніи этого разсказа у васъ остается чувство злости и гадливости. Нѣкоторое время она васъ мучить, какъ кошмаръ, но затѣмъ вы отдѣлываетесь отъ нее какъ отъ слишкомъ грубой, слишкомъ яркой, уродливой карикатуры. Вы считаете ее конгломератомъ тысячи людскихъ страстей и тысячи людскихъ грязныхъ побужденій. Вы ждете критики, чтобы провѣрить ваши мысли и вдругъ вы читаете, что герой „Мысли“ чрезвычайно неглупый, энергичный и только черезчуръ одинокій человѣкъ, сверхъ-человѣкъ, не имѣющій ни подходящей среды, ни друга, и такихъ критикъ было нѣсколько и вотъ эти-то критики и приводятъ васъ въ ужасъ. Значить, есть люди разумные, спокойные, которые считаютъ Павла Рыбакова, Нѣмовецкаго изъ „Бездны“ обыкновеннымъ явленіемъ среди нашего юношества и доктора Керженцова — типомъ часто встрѣчающимся въ нашемъ обществѣ.

Вотъ это разъясненіе разсказовъ Андреева гораздо ужаснѣе самого текста. Онъ сбиваетъ съ толку читающую молодежь, онъ отнимаетъ инстинк-

тивное, здоровое отвращеніе, заставляетъ раздумывать, колебаться и, наконецъ, опираясь на авторитетъ критики, соглашаться съ тѣмъ, что это—возможно.

Я обвиняю г. Андреева въ томъ, что рассказы „Мысль“ и „Бездна“ не вызваны у него наблюдениемъ надъ жизнью, а измышлены, подтасованы, мучительно задуманы и пущены въ публику, какъ камень въ толпу: поди-ка разбери, герой я идущій одинъ противъ всѣхъ, безумецъ я убившій ни за что, ни про что человѣка или я мѣткій стрѣлокъ, попавшій именно въ того, чья жизнь была мнѣ нужна. И вотъ въ этомъ-то „разбери-угадай“ и кроется современный успѣхъ. Что хотѣлъ сказать г. Бунинъ, раздѣвъ на своей картинѣ Льва Толстого? Насмѣшка ли это надъ желаніемъ великаго писателя „опроститься“ или же, напротивъ, символъ человѣка улавливающаго сѣтями людей, или это даже вовсе не портреты, а случайное сходство—вотъ „разбери-угадай“. Рисуешь г. Рѣпинъ студента съ барышней, идущихъ по морю, какъ по суху и опять всѣ критики, всѣ газеты бьютъ набатъ. Что это? Та ли смѣлая молодежь, которой и „скалы, и бурныя мели, и бури жизни—нипочемъ“. Или это золотая молодость, которая рада испытать свои нервы, подъ наплывомъ холодной

волны? Просто ли это скандалъ молодой парочки, которой рѣшительно все равно, если она соберетъ вокругъ себя толпу или это, наконецъ, разрѣшеніе всего женскаго вопроса, съ доказательствомъ, что женщину никакая волна жизни не собьетъ съ ногъ, если она пойдетъ доврчиво опираясь на руку мужчины? Да, разберись тутъ, а въ сущности и рассказы Андреева, и картины Бунина и Рѣпина это — единственный и вѣрный путь въ наше время къ извѣстности. Гвоздь успѣха зависитъ ни отъ силы, ни отъ красоты, ни отъ истины, а отъ ловкости, смѣлости, отъ выбора темы и отъ количества шума, который поднимается вокругъ. Какъ въ старой французской пѣсенкѣ „La corde sensible“ всякій теперь въ погонѣ за этой чувствительной струной — обнажить нервъ и потянуть за него, а какъ это отзовется на другихъ — болью, страданіемъ, скандаломъ, не все ли равно — найдите обнаженный нервъ, дотроньтесь до него, и въ страшномъ крикѣ раздастся ваше имя — слава создана. Это особенно относится къ Андрееву.

Переходя къ пьесѣ Антона Чехова „Чайка“ я должна напомнить, что пьеса имѣла и свой успѣхъ, и свой провалъ. Ее снимали со сцены, какъ неудачную вещь и ставили на сцену, какъ первоклассную пьесу. Я не буду разбирать достоин-

ства и недостатки этого произведенія, я хочу указать только на то, какъ сѣро, блѣдно, какъ пошло выражена въ этой пьесѣ женская любовь. Впрочемъ это даже и не любовь, это именно та болѣзненная влюбленность, которая такъ часто замѣняетъ у женщины любовь.

Герой пьесы Треплевъ, юный начинающій писатель, сынъ актрисы Аркадиной, любитъ молодую дѣвушку Нину. Онъ говоритъ: „Я слышу шаги... я безъ нея жить не могу... даже звукъ ея шаговъ прекрасенъ... волшебница... мечта моя“. Нина отвѣчаетъ ему: „Мое сердце полно вами“. Треплевъ цѣлуетъ Нину и вѣритъ, что дѣвушка любитъ его. Но вотъ пьеса Треплева, въ которой играетъ Нина, осмѣяна его матерью, актрисой Аркадиной, не понята другими и этого достаточно, чтобы дѣвушка не только отвернулась отъ любящаго ея человѣка, но, забывъ и свои слова, и свои поцѣлуи, влюбляется въ моднаго писателя Тригорина, котораго встрѣчаетъ въ первый разъ въ вечеръ неудавшагося представленія, влюбляется, потому что этотъ человѣкъ пользуется и литературнымъ, и любовнымъ успѣхомъ. Треплевъ говоритъ ей: „Если бы вы знали, какъ я несчастливъ. Ваше охлажденіе страшно, невѣроятно, точно я проснулся и вижу вотъ это озеро вдругъ высохло

или утекло въ землю... Моя пьеса не понравилась, и вы презираете меня". Женщины не прощают неуспѣха. Онъ кладетъ къ ногамъ дѣвушки убитую чайку и на вопросъ дѣвушки, что такое, что это значитъ, онъ отвѣчаетъ: „скоро такимъ же образомъ я убью самого себя". Но Нину и это не трогаетъ, она уже не понимаетъ и не жалѣетъ Треплева, она рада, что онъ ушелъ и оставилъ ее съ подошедшимъ Тригоринымъ. Тригоринъ не обращаетъ на нее вниманія, но она ухаживаетъ за нимъ, льститъ ему. „Вы недовольны собой, — говоритъ она ему — но для другихъ вы велики и прекрасны". Когда Тригоринъ уѣзжаетъ она даритъ ему медальонъ, на которомъ вырѣзано названіе его повѣсти, страница и строки и когда онъ отыскиваетъ эти строки, онъ читаетъ: „Если тебѣ понадобится когда-нибудь моя жизнь, приди и возьми ее".

Эту надпись выгравировала себѣ на медальонѣ Нина, конечно не теперь и, конечно, не для Тригорина, это просто красивый девизъ той потребности любви, живущей уже въ ней, но которую она пока только примѣряетъ на встрѣчающихся мужчинахъ. Тригоринъ принимаетъ это, какъ дань и спѣшитъ взять жизнь молодой дѣвушки, такъ ни за что бросившей ему подъ ноги свою любовь.

Нина убѣгаетъ отъ отца въ Москву, Тригоринъ живетъ съ ней короткое время и бросаетъ ее съ ребенкомъ. Тогда Нина поступаетъ, какъ убійца, по преданію возвращавшійся къ трупy. Она знаетъ, что разбила сердце молодого поэта Треплева, и вотъ избитая жизнью, потерявъ ребенка, не найдя никакого удовлетворенія на сценѣ, поблекшая, даже холодная, она является ночью къ Треплеву. Зачѣмъ? Залѣчить нанесенную рану? Выпросить прощеніе за прежній обманъ? Проститься и отдохнуть на груди любящаго ее человѣка? Нѣтъ, она приходитъ изъ-за минутной, красивой фантазіи и растравляетъ полузажившую рану: „Когда увидите Тригорина, (а Тригоринъ тутъ же за дверью спокойно ужинаетъ) не говорите ему ничего... я люблю его, люблю сильнѣе, чѣмъ прежде, люблю страстно, люблю до отчаянія“. И затѣмъ, продекламировавъ отрывокъ изъ пьесы, написанной Треплевымъ въ безумномъ порывѣ молодости и любви, она обнимаетъ его и убѣгаетъ. А Треплевъ, передъ которымъ воскресло все: и та звѣздная, ясная радостная ночь, въ которой разыгрывалась никѣмъ непонятая его поэма, и голосъ любимой дѣвушки, декламировавшей незабвенныя, туманныя мысли той пьесы, въ которую онъ вложилъ всѣ мучившіе его вопросы и мечты, и ея

любовь, и ласка, и падение и только что виденный имъ истощенный, голодный призракъ, не выдерживаетъ и застрѣливается.

А вотъ вторая любовь изъ той же „Чайки“, любовь жены управляющаго, Полины Андреевны старой женщины, сгорающей отъ нелѣпой ревности къ доктору Дорну. Она не хочетъ и не можетъ понять, что женщина погибла, смѣшна, уродлива, противна, если не сумѣла уловить ту грань, которая должна превратить любовь въ хорошую прочную дружбу. Женщина погибла, если не перестала въ извѣстные годы быть только женщиной и не перевоплотилась въ женщину-человѣка, въ женщину-товарища.

Полина Андреевна говоритъ Дорну: „Я не выношу грубости мужа, Евгенийъ дорогой, ненаглядный, возьмите меня къ себѣ“.

Дорнъ, который не сдѣлалъ этого и не хотѣлъ привести ее къ этому рѣшенію въ молодости, пока ихъ связывала хотя бы страсть, отвѣчаетъ резонно: „Мнѣ 55 лѣтъ, поздно мѣнять теперь жизнь“. „Вы мнѣ отказываете поэтому,—уже не сдерживается Полина Андреевна,—потому что кромѣ меня есть женщины, которыя вамъ близки. Я страдаю отъ ревности“. Она плачетъ, а Дорнъ напѣваетъ и не знаетъ, какъ избавиться отъ этой

смѣшной и жалкой сцены. Приходитъ Нина и даритъ доктору букетъ цвѣтовъ. Докторъ, тронутый вниманіемъ, беретъ, а Полина Андреевна глухо шипитъ: „дайте мнѣ эти цвѣты... дайте“... хватываетъ ихъ, рветъ и топчетъ.

И какъ стыдно со сцены смотрѣть на униженіе этой сѣдой женщины, на удивительное отсутствіе въ этой женщинѣ и чуткости, и самолюбія. Кругомъ нее природа, трудъ, хозяйство, собственная семья, а она, какъ слѣпой кротъ, копошится въ своемъ маленькомъ эгоистическомъ мірѣ. Изъ всѣхъ женщинъ, окружающихъ ее, она понимаетъ только свою дочь Машу и только потому, что она точно также, вѣроятно, въ силу наслѣдственности и воспитанія, погружена всецѣло въ свою любовь. Маша влюблена въ Треплева. Она отлично знаетъ, что онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія и даже на нее, такую, какъ она есть неряшливую, нюхающую табакъ, пьющую водку, молодой поэтъ и не могъ не обратить вниманія, ей все равно. Любовь не перерождаетъ ее, не окрыляетъ, она, какъ и мать ея, слезливо, покорно ползетъ на землѣ, вымаливая только ласки. Маша выходитъ замужъ за учителя, котораго сама характеризуетъ такъ: „Онъ не уменъ, но добрый человѣкъ и меня сильно любитъ“, и, чтобы сло-

9*

мать свою безнадежную любовь, она выходит за него замужъ. Но вотъ проходить уже годъ. Нина уже исчезла, Треплевъ, стрѣляющійся послѣ ея побѣга, выздоровѣлъ, работаетъ въ журналахъ, имѣетъ успѣхъ. Маша замужемъ, у ней ребенокъ, но она попрежнему влюблена въ Треплева и, кромѣ своей любви, ничего не понимаетъ и ничего знать не хочетъ.

„— Маша, поѣдемъ домой,— молить ее мужъ.

„— Я здѣсь останусь ночевать...— отвѣчаетъ она.

Мужъ умоляетъ:

„— Поѣдемъ, Маша, нашъ ребенокъ, небось, голодень.

„— Пустяки, его Матрена накормить.

„— Жалко... ужъ третью ночь безъ матери.

„— Скучный ты... Все ребенокъ... домой... ребенокъ... домой...

„— Поѣдемъ, Маша.

„— Поѣзжай самъ.

„— А ты завтра пріѣдешь?

Маша, нюхая табакъ:

„— Ну, завтра... присталь“...

И равнодушная къ голоду ребенка, къ тоскѣ мужа, она чуть не вырываетъ изъ рукъ матери простыни, чтобы самой приготовить постель для

Треплева И это продѣлывается и говорится въ присутствіи Треплева, значитъ Маша даже не сознаетъ, какое чувство отвращенія должна возбуждать она въ юномъ поэтѣ своимъ безсердечіемъ, грубостью къ ребенку, мужу и рабскимъ заискиваніемъ передъ нимъ. И мать ея въ довершеніи всего тутъ же говоритъ Треплеву, проводя рукой по его волосамъ: „Какой красивый сталь... Милый Костя, хорошій, будьте ласковѣе съ моей Машенькой. Она славненькая“...

Треплевъ молча уходитъ.

И опять обѣ женщины не понимаютъ, до какой степени онѣ должны быть противны въ его глазахъ.

„— Вотъ и разсердили,— говоритъ Маша.

„— Жаль мнѣ тебя, Машенька, я вѣдь все вижу, все понимаю.

„— Эхъ, глупости, маменька, не надо только себя распускать и все чего-то ждать, ждать у моря погоды“.

А между тѣмъ эта женщина ждетъ... Чего? Чтобы этотъ не любящій ее человѣкъ, въ минуту скуки или жалости позвалъ бы ее къ себѣ и тѣмъ самымъ далъ бы ей какъ бы право, во имя высокаго чувства любви, бросить своего младенца и окончательно насмѣяться надъ любящимъ ее мужемъ.

А вот и четвертая женщина изъ той же „Чайки“, и четвертая любовь: актриса Аркадина, мать поэта Треплева и ея любовникъ, писатель Тригоринъ. Она не молода, но красива, талантлива, скупа. Ей нужна и матеріальная поддержка, и блестящая связь.

Неожиданно захваченный страстью Нины, онъ не хочетъ уѣзжать изъ деревни, но Аркадина опутываетъ его непобѣдимымъ оружіемъ—лестью: „Мой прекрасный, дивный... (становится на колѣни). Моя радость, моя гордость, мое блаженство (обнимаетъ его колѣни)“. Тригоринъ, опьяненный лестью, безъ которой онъ не можетъ жить, безвольный, безхарактерный, не способный, конечно, на настоящую, чистую любовь, отвѣчаетъ Аркадиной: „Бери меня, увози, но только не отпускай меня ни на шагъ“. Конечно, это нисколько не мѣшаетъ ему мимоходомъ разбить жизнь Нины, бросить ее съ ребенкомъ и продолжать связь съ Аркадиной. И Аркадина, которая не умѣетъ ни любить, ни понять своего сына, которая жалѣетъ дать ему сколько-нибудь денегъ даже на приличное платье, тоже играетъ на высокихъ чувствахъ и свою связь съ Тригоринимъ называетъ любовью.

И вотъ—пьеса „Чайка“, полная женской любви. Вотъ четыре типа любящихъ женщинъ. И когда

уйдишь послѣ представленія этой пьесы, то въ своемъ женскомъ сердцѣ уносишь такое тяжелое, обидное чувство за женскій умъ, за женское сердце, за женское пониманіе слова „люблю“.

А вотъ и „Три сестры“ Чехова. Тутъ выведена у него Наташа, казалось бы такая простенькая, молодая, стыдливая; женихъ ея Андрей Прозоровъ говорить ей: „О, молодость, чудная, прекрасная молодость. Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь такъ... Я васъ полюбилъ, я васъ люблю, люблю, какъ никого никогда“.

И вотъ, во второмъ актѣ, они уже мужъ и жена. У нихъ первый ребенокъ, и изъ Наташи уже выработалась самка, самоувѣренная, безцеремонная, начинающая все и всѣхъ подчинять. У одной изъ сестеръ мужа она отнимаетъ комнату, гдѣ цѣлый день солнце, а самъ Андрей, мечтавшій когда-то быть профессоромъ московскаго университета, служить секретаремъ въ земской управѣ. Затѣмъ, когда предсѣдатель этой управы, Протопоповъ, сидитъ у его жены, онъ катаетъ по саду колясочку ребенка, а она мало-по-малу разгоняетъ старыхъ слугъ, затѣмъ при второмъ ребенкѣ уже безцеремонно говоритъ горничной: „Съ Софочкой посидитъ Протопоповъ, а Бобика пусть катаетъ Андрей Сергѣевичъ, т. е. мужъ“. И мужа она вы-

селяетъ изъ его комнаты куда-нибудь, гдѣ не такъ слышно, какъ онъ пилить на скрипкѣ, и такъ мало-по-малу на чужомъ горѣ, на чужой тоскѣ, при безотрадныхъ стонахъ сестеръ: „въ Москву, въ Москву“... Пышно и спокойно разцвѣтаетъ чувдовищная пошлость, глупость и распущенность Наташи, единственной женщины въ пьесѣ, которой удалась любовь, которой жизнь дала удовлетвореніе быть женой, матерью, хозяйкой. Вотъ какъ сѣро и пошло выставлена въ этихъ двухъ пьесахъ талантливаго автора женская любовь.

Такъ мало-по-малу исчезаетъ изъ литературы типъ женщины-матери, друга, сестры, невѣсты, типъ доброты, чистоты, любви и вѣрности, остается только страстная самка или дѣвушка - эгоистка, чайка, полудѣвственница. Если лучшіе люди—писатели, увѣряютъ въ этомъ молодежь, должна же она имъ вѣрить.

Но если вѣрить—мыслима ли семья? Мыслимо ли счастье? Мыслима ли сама жизнь съ такою женщиною?

Было время, когда женщину сравнивали съ курицей, съ той простой насѣдкой, которая, расширивъ, раскинувъ крылья всѣхъ цыплятъ пріютила подъ ними, грѣетъ, укрываетъ отъ дождя, вѣтра и непогоды. Но вѣдь курица, дѣлая гнѣздо, вы-

щипываетъ у себя на груди перья, нагрѣвая яйца, чтобы вызвать таящуюся въ нихъ жизнь, сидитъ безъ ѣды, безъ питья, нерѣдко умираетъ отъ истощенія на гнѣздѣ, если люди забудутъ принести ей корма, эта слабая, маленькая насѣдка-мать, взъерошивъ перья, съ смѣшнымъ по своему безсилью крикомъ, бросается на коршуна, на ястреба, въ защиту своихъ дѣтей.

Теперь это сравненіе устарѣло. Женщину сравниваютъ только съ самкой, а дѣвушка — лилія, вѣтка мимозы, теперь она чайка, полурыба, полуптица, красивое, бѣлое созданіе, негодное ни въ пищу, ни въ клѣтку, ни на птичій дворъ, ни голоса у нее, ни способности дѣлаться ручной. Застрѣлить чайку изъ удалства и бросить. Неужели же наша молодежь должна вѣрить современнымъ авторамъ и видѣть въ современной дѣвушкѣ — чайку, а въ женщинѣ самку?

Часть вторая.

Пьеса Найденова „Дѣти Ванюшина“ одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя родители, руководящіе воспитаніемъ дѣтей, должны читать раньше, чѣмъ вести на нее дѣтей. Пьеса „Дѣти Ванюшина“ выхвачена прямо изъ жизни, но какъ самая тяжелая, самая мрачная страничка, оставляетъ въ молодыхъ, впечатлительныхъ душахъ, нехорошій осадокъ. Слово, сказанное со сцены, жизнь разыгранная въ лицахъ, производитъ впечатлѣніе правды и чѣмъ лучше игра, тѣмъ реальнѣе и глубже впечатлѣніе. Старикъ Ванюшинъ весь ушедшій въ наживу гроша, его добродушная безвольная жена, шесть человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двѣ дочери замужемъ, ихъ мужья, генеральша Кукарникова, дочь ея Нина... Вотъ главные дѣйствующія лица. Старшій сынъ Константинъ, 24 лѣтъ, человѣкъ безъ нравственности, безъ принциповъ, что называется—безъ Бога въ душѣ, ведетъ амуры съ племянницей-сиротой, живущей тутъ же, въ домѣ

его отца. Алеша гимназистъ начинающій уже ку-
тить, крадетъ у матери деньги. Среди всей этой
грязи распутства, шантажа, попрековъ и обоюд-
ной грызни раскрывается отцовское сердце. Онъ и
раньше уже говорилъ: „я всегда, всѣмъ своимъ
дѣтямъ желаю только хорошее, а выходитъ не
то. Глядѣлъ — душа плакала, а вы только злобу
да вражду во взглядахъ моихъ видѣли... Отца-то
вы не знаете.“ Но при разговорѣ съ Алешей онъ
окончательно прозрѣваетъ. Сынъ говоритъ: „Не
мальчикъ я, и давно уже не мальчикъ, а меня
считаютъ за какого-то маленькаго, не говорятъ,
дерутъ, потчуютъ прописными моральями. Гим-
назическое начальство съ высоты своего вели-
чія изрыгало свои наставленія и ябедничало,
сплетничало вамъ, какъ послѣдняя кухарка“.
Вотъ при этихъ словахъ всегда раздаются хохотъ
и апплодисменты. „Я и не зналъ, что ты такъ
говорить-то умѣешь. Такъ откуда же вы вышли
такіе“?

„Сверху: вы жили внизу, а мы наверху. Мы
сходили къ вамъ, когда намъ было что-нибудь
нужно, а вы поднимались наверхъ, когда нахо-
дили нужнымъ ругать насъ или бить. И вотъ мы
выросли и сошли сверху уже взрослыми людьми,
со своими вкусами, желаніями, требованіями, и

вы спрашиваете: откуда мы такіе“. Отецъ цѣлуетъ его, и Алексѣй восклицаетъ: „Вы цѣлуете. Вѣдь это первый поцѣлуй отца!“

Комедія эта касается вовсе не купеческаго, не мѣщанскаго быта, а всѣхъ матерей, всѣхъ отцовъ. Не все ли равно съ антресолями квартира, гдѣ въ буквальномъ смыслѣ дѣти живутъ наверху, а родители внизу, или это амфилада комнатъ, гдѣ за будуарами, залами и гостинными идутъ комнаты гувернантокъ и дѣтей, не все ли равно наказываютъ и бьютъ родители дѣтей, или дѣлаютъ имъ на французскомъ и англійскомъ языкѣ выговоры, дѣло въ томъ, что родители кормятъ, поятъ, учатъ дѣтей и совершенно не знаютъ ни ихъ души, ни ихъ мыслей. Приходитъ день, когда дѣти сходятъ къ намъ готовыми людьми, и мы ихъ спрашиваемъ: „Откуда вы такіе вышли?“

И больно было мнѣ присутствовать на представленіи „Дѣтей Ванюшина“ и казалось мнѣ, что это—не театральнй залъ, а залъ суда, гдѣ читается страшный обвинительный актъ надъ родителями. Еще одна пьеса, и снова на судъ родители и дѣти. Это „Мѣщане“ Горькаго.

Безсѣменовъ, старшина малярнаго цеха, жена его, Акулина Ивановна, дѣти: Петръ—студентъ, Татьяна—школьная учительница, воспитанникъ—

Ниль, Поля—швейка, дочь птицелова Перчихина, квартирантка Елена Николаевна Кривцова и другія лица.

Тутъ уже нѣтъ верха и низа, тутъ все въ кучѣ и разойтись имъ некуда. Образование Петра и Татьяны выдвинуло ихъ изъ среды, но не окрылило, ибо они вялые, хмурые, озлобленные; плохое питаніе, плохой воздухъ дали имъ плохую кровь, они презирають и свою обстановку, и свою среду, но подняться отъ нея, взлетѣть не могутъ, и оба, въ силу своей слабости воли и въ то же время порывовъ просвѣтленнаго образованіемъ ума, тянутся къ свѣту, и инстинктивно ищуть опоры, чужихъ крыльевъ, чужой энергіи. Петръ идетъ къ пустой, но жизнерадостной Еленѣ, а Татьяна къ Нилу.

Для своихъ родителей они тоже незамѣтнымъ образомъ стали готовыми людьми—тѣ за сколачиваніемъ копейки, за работой и борьбой не могли даже и интересоваться духовнымъ міромъ дѣтей, да пожалуй никогда и не думали о томъ, что онъ у нихъ есть, а дѣти даже и не предполагали, что родители молятся другому Богу, кромѣ наживы и сбереженія гроша.

Они не переносятъ ворчли матери, замѣчаній отца, не мирятся съ ихъ узкими взглядами, не

стѣсняются выражать свое нетерпѣніе и раздраженіе; отцу и матери буквально становится тѣсно въ своемъ домѣ, они чувствуютъ себя лишними, ненужными. У нихъ зарождается вопросъ: „почему это“, и невольно находится такой отвѣтъ: „Зря, не подумавши хорошо, пустиль я васъ въ образованіе,—вотъ Петра выгнали, ты въ дѣвкахъ сидишь“.

Татьяна сидитъ въ дѣвкахъ оттого, что любитъ Нила. Но здоровый инстинктъ рабочаго, сильнаго и смѣлаго подсказываетъ Нилу, что не нужна ему вялая, зябкая, полубарышня, не умѣющая даже желать чегонибудь сильно, а нужна полу-грамотная, здоровая, крѣпкая, веселая и смѣлая Поля. Такая дѣвушка и пѣсни будетъ пѣть за работой, и любить сумѣетъ, и дѣтей родитъ здоровыхъ, и работа изъ рукъ у ней не вывалится.

Ниль—настоящій герой Горькаго, онъ тоже жаденъ жить, и тоже не постѣснится слабого сбросить съ своей дороги, потому что чувствуетъ, что сила, здоровье, и смѣлость это три шанса противъ четырехъ въ борьбѣ за жизнь.

Горькій, не жалѣя, вкладываетъ въ уста своего героя столько хорошихъ, сильныхъ словъ, такой порывъ впередъ, вызовъ на борьбу, протестъ противъ скуки, что молодежь зачарована, она не въ

силахъ видѣть уже неблагодарность Нила къ семьѣ, выкормившей его, страшную сухость, безсердечность, самообожаніе и признаніе въ себѣ сверхчеловѣка, которому, идя въ гору, позволяется наступать на другихъ на пути.

Ниль возводится въ идеалы борца.

На жалобы Татьяны, выросшей сестрой подлѣ него, онъ отвѣчаетъ: „Ужъ очень вы любите на все и на вся жаловаться... Кто вамъ поможетъ. Никто не поможетъ, да и некому... не стоитъ“...

А она отъ него-то и ждала помощи, къ нему-то и тянула за нею руку.

„— Откуда въ тебѣ такая черствость, Ниль.

„— А это черствость?

„— Жестокость... Невнимателенъ ты къ людямъ.

„— Не ко всѣмъ.

„— Ко мнѣ.

„— Къ тебѣ. Н-да... видишь я къ тебѣ, то есть я тебя, (Татьяна ожидая слово люблю, дѣлаетъ къ Нилу движеніе, но Ниль даже не замѣчаетъ его)... очень уважаю... и... люблю, только мнѣ не нравится, зачѣмъ ты учительница... дѣло это тебѣ не по душѣ, дѣло огромное. Ребяшки вѣдь это—люди въ будущемъ... Знаешь,

вотъ я ужасно люблю ковать, передъ тобою безформенная красная масса, злая, жгучая. Бить по ней молотомъ—наслажденіе. Она плюетъ въ тебя шипящими, огненными плевками, хочетъ выжечь тебѣ глаза, ослѣпить, отшвырнуть отъ себя. Она живая, упругая, и ты сильными ударами съ плеча дѣлаешь изъ нее все, что тебѣ нужно“.

Трескучія красивыя фразы... Передъ нимъ съ тоскою стоитъ дѣвушка, любящая его, а онъ... онъ говоритъ ей: я... моя сила, мои ощущенія... потому что для себя онъ Богъ и кромѣ себя и своихъ чувствъ онъ никѣмъ и ничѣмъ не интересуется.

Послѣ сцены объясненія съ Безсѣменовымъ о томъ, что онъ женится на Полѣ, Нилъ говоритъ: „Какъ ненавижу я этого человѣка... этотъ домъ... всю жизнь, гнилую жизнь. Здѣсь всѣ... какіе-то уроды“.

Опять таки сильно это проклятiе людямъ слабымъ и старымъ, но справедливо ли оно? Если бы вмѣсто ненависти немного размышленія, немного благодарности къ семьѣ, можетъ-быть онъ и нашелъ бы имъ оправданіе. Вѣдь Безсѣменовъ ничего новаго не говоритъ, не требуетъ, онъ стоитъ на своихъ старыхъ завѣтахъ и поступаетъ по мудрости, завѣщанной ему отцомъ и дѣдомъ. Онъ

съ корнями не виновать, что отъ дубовыхъ корней выросъ не гибкимъ орѣшникомъ, не цвѣтущей липой, а тѣмъ же крѣпкимъ и грубымъ дубомъ. Но Нилъ ни о комъ и ни о чемъ побочномъ не думаетъ. Ненавижу и конечно,—значить взялъ топоръ и отрубилъ. Когда онъ цѣлуется Полю и, уходя изъ комнаты, натывается на Татьяну, которая по ремаркѣ автора, молча глядитъ на него мертвыми глазами, съ кривой улыбкой на лицѣ,—онъ опять таки не видитъ чужого страданія, ни искры сочувствія къ дѣвушкамъ, почти сестрѣ выросшей на его глазахъ—почти одно презрѣніе: „Подслушивала. Подглядывала. Э-эхъ ты“... И это „э-хъ ты“ хуже пощечины, хуже плевка... За что? Татьяна отравилась, но осталась жива; больная, слабая она лежитъ на кушеткѣ. Тетеревъ поясняетъ ей, что въ Россіи спокойнѣе быть пьяницей, бродягой, чѣмъ честнымъ человѣкомъ, трезвымъ, дѣльнымъ, что только люди безжалостно прямые, твердые, какъ мечи, только они пробыютъ... Что... онъ не договариваетъ, потому что входитъ Нилъ безжалостно прямой и твердый, какъ мечъ. Онъ входитъ весело послѣ сраженія съ дубиноголовымъ начальникомъ депо, надъ которымъ одержалъ побѣду. Отчего въ Россіи хорошо жить только мерзавцамъ, и отчего всѣ на-

чальники дубиноголовые? Оттого, что тотъ, кто скажетъ не обратное, а хотя найдетъ исключеніе самъ будетъ причисленъ къ дубиноголовымъ. Оттого, что эти хлесткія, огульно обвиняющія все фразы— всегда имѣютъ у молодежи громадный успѣхъ.

Заходитъ споръ, и Петръ говоритъ: „Если человѣкъ другого мнѣнія я не схвачу его за это за глотку“.

Ниль говоритъ: „А я схвачу“.

„— Кто далъ на это право?

Ниль отвѣчаетъ: „Право не даютъ. Право берутъ... человѣкъ долженъ самъ себѣ завоевать права, если не хочетъ быть раздавленъ грубой обязанностью“.

Опять красивая фраза и совершенно безнравственная, потому что только тотъ имѣетъ права, кто признаетъ и обязанности, иначе люди опять вернулись бы къ кулачному праву, — у однихъ были бы только права, у другихъ только обязанности.

„— Ты, Ниль,—говоритъ Петръ,—на каждомъ шагу стараешься показать отцу, что не уважаешь его.

„— А зачѣмъ это скрывать“?

Неужели это стараніе на каждомъ шагу оскорбить старика—этотъ отвѣтъ:— „а зачѣмъ это скрывать“, не циниченъ и не глупо ребячливъ? Зато Ниль говоритъ о жизни и какъ говоритъ, поэтично и сильно, и слишкомъ литературно для

простого рабочаго. „Жить славное занятіе, на дрянныхъ паровозахъ осенними ночами подъ дождемъ и вѣтромъ, зимою въ метель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмой... утомительно... опасно... но своя въ этомъ прелесть. Только одно, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки и воры“... Если это такъ, если дѣйствительно право руководства и голоса имѣютъ только свиньи, дураки и воры, то, конечно, и жить не стоитъ. Но такъ ли это? Такъ ли дѣйствительно все черно кругомъ? А главное — не первое поколѣніе обвиняетъ власть въ жестокости, подкупности и косности, но кто же стоитъ у власти? Не та ли молодежь, которая кончила курсъ и мало-по-малу заняла высшія мѣста? Я слышу съ молодости, 30 лѣтъ, тому назадъ тѣ же стоны... Но въ 30 лѣтъ вѣдь многое могло бы измѣниться и просвѣтлѣть. Не молодежь ли виновата, не она ли забываетъ порывы, завѣты молодости? Не она ли кипитъ и рветъ мѣха, какъ не перебродившее вино, пока еще не имѣетъ силы и успокаивается, входитъ въ обычное русло, когда получаетъ крѣпость?

А дальше опять страстный монологъ о жизни, который кончается словами, вызывающими бурю апплодисментовъ: „Наша возьметъ! И на всѣ

средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу, мѣсишь ее и такъ и такъ, тому помѣшать, этому помочь... вотъ въ чемъ радость жизни“.

Да вѣдь это вѣчная свалка... потому что гуща жизни для обыденной жизни недоступна, дай Богъ хоть въ томъ районѣ, гдѣ вращается жизнь, въ тѣхъ запросахъ, нуждахъ и страданіяхъ, которые встрѣчаются на пути людей, помочь только разумомъ, хладнокровіемъ и громадной добротой и вниманіемъ, терпѣніемъ и справедливостью, т.-е. тѣми качествами, которыя въ свалкѣ не мыслимы и которыми отнюдь не обладаютъ литературные „Нилы“. Но то, что онъ говоритъ красиво и сильно.

Наконецъ, Нилъ додразниваетъ, взвинчиваетъ Безсѣменова до послѣдняго скандала, даже Петръ не любящій своего отца, говоритъ Нилу: „Ну. Дождался. Эхъ ты, стыдился бы“.

Но Нилъ еще ломается, пока, наконецъ, Петръ, измученный, и за себя, и за сестру, и за отца этой сценой, кричитъ ему: „Да уходите вы, чортъ побери“.

И тогда онъ, опѣшенный, уходитъ со словами: „Иду... Прощай... Какой, однако, ты“.

И вотъ этого - то Нила, этого невозможнаго Нила—босяка собирательнаго, потому что онъ по жестокости, эгоизму и фразерству, превосходить

нѣсколько типичныхъ босяковъ изъ разсказовъ Горькаго, многіе считаютъ за свѣтлый типъ, за пророка жизни.

Я не могу въ лекціи разбирать подробно всѣ лица изъ этой, все-таки замѣчательно талантливой комедіи—я хочу сказать только нѣсколько словъ объ Еленѣ Николаевнѣ и ея отношеніяхъ къ Петру.

Многіе критики назвали ее свѣтлой личностью, — я съ этимъ согласиться не могу. Да, авторъ далъ ей нѣсколько хорошихъ, теплыхъ словъ насчетъ арестантовъ, для которыхъ она одѣвалась въ свѣтлые наряды, чтобы расцвѣтить ихъ жизнь, но далѣе,—что она? Веселая вдовушка, которая о мужѣ можетъ вспомнить только то, что у него были усы въ три вершка. Она кокетничаетъ съ Петромъ, но чтобы она любила его — трудно повѣрить, за что. Это человѣкъ безъ лица, какъ о немъ говоритъ даже отецъ. Вѣчно хмурый, вялый, раздражительный, не кончившій курсъ. Уже за одинъ монологъ Петра всякая женщина, у которой сердце на мѣстѣ и голова мыслить, прониклась бы презрѣніемъ къ его безформенности—я не умѣю выразиться иначе.

Вотъ этотъ монологъ: „Я думаю, когда французъ или англичанинъ говоритъ: „Франція, Англія“, онъ непременно представляетъ себѣ за этимъ словомъ нѣчто реальное, осязаемое, понятное ему.

А я говорю: „Россія“ и чувствую, что для меня это звукъ пустой. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое-либо ясное содержаніе“.

Да неужели можно дожить намъ, русскимъ матерямъ, до того, что наши дѣти будутъ говорить такъ о своей родинѣ? Да вѣдь тогда мы погибли, тогда нѣтъ у насъ болѣе ни отечества, ни языка, ни религіи, ничего. Значить мы не сумѣли имъ съ нашимъ молокомъ, съ дѣтскими колыбельными, пѣснями, съ могилами отцовъ, съ молитвой у ихъ кровати, когда они хворали, передать имъ русскаго чувства—любви къ нашей русской землѣ. Какія же мы преступныя матери, какія несчастныя наши дѣти. У англичанина, у француза, у поляка, у нѣмца есть и гордость, и страстная любовь къ своей родинѣ, а у насъ пустой звукъ. Неужели это не клевета на молодежь? Неужели этотъ Петръ безъ лица не выродокъ, а одинъ изъ многихъ?

Далѣе онъ говоритъ: „Чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ. Я пришелъ въ университетъ учиться и учился. Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучать римское право, я не чувствовалъ. Нѣтъ, совсѣмъ не чувствовалъ. Я чувствовалъ режимъ товарищества... и уступилъ ему. Вотъ два года изъ моей жизни вычеркнуто... да... это насиліе. Насиліе надо

мною. Не правда ли?“ Вѣрно насиліе, разъ онъ былъ панурговой овцой, которая сама не зная о чемъ блѣяла и шла за стадомъ.

Но развѣ такая овца можетъ разумной, энергичной женщинѣ внушить любовь? Развѣ это другъ, товарищъ? Нѣтъ, но это можетъ быть удобный безхарактерный мужъ, подъ башмакомъ такой, какого ищетъ Елена Николаевна.

Она безцеремонно, не смотря на явную къ ней антипатію стариковъ, является къ нимъ и принимаетъ участіе въ травлѣ ихъ и Ниломъ, и дѣтьми. Петръ не очарованъ перспективой жениться на Еленѣ; онъ говоритъ Нилу: „Во-первыхъ, студентамъ жениться не позволено, во-вторыхъ, мнѣ придется выдержать баталію съ родителями, въ третьихъ... (онъ не договариваетъ, что въ третьихъ).

Перчихинъ говоритъ Петру: „Не люблю я тебя, Петръ. Гордый ты и пустой человекъ...“ За то Елена беретъ голову Петра въ руки и заставляетъ его повторять за собою: „Я васъ люблю“. (Петръ становится овцой). „О, да, да... Но нѣтъ, вы шутите“... „Право же я совершенно серьезно,—я давно рѣшила выйти за васъ замужъ. Можетъ-быть это очень не хорошо, но мнѣ очень хочется этого“. Въ это время раздается стонъ больной, страдающей, только что отравившейся изъ-

за отвергнутой любви Татьяны. У Петра шевельнулась совѣсть, — онъ говоритъ, бросаясь къ сестрѣ: „Она тамъ лежитъ, а мы... мы“.

А Елена отвѣчаетъ ему весело и безсердечно до пошлости: „Что тутъ нехорошаго. Даже въ театрѣ, послѣ драмы, даютъ что-нибудь веселое“. И уводитъ его подъ руку. Она даже не слышитъ, какъ Татьяна, оставленная ими, глухо стонетъ: „Лена... Лена“...

Какъ окончательную характеристику Елены, привожу я монологъ послѣдней, передъ уходомъ съ Петромъ изъ родительскаго дома: „Да, это вѣрно. Да, я сама взяла его у васъ, сама. Я сама, я первая сказала ему, предложила жениться на мнѣ. Вы слышите, вы, филинъ! Слышите! Это я вырвала его отъ васъ. Знаете, я, можетъ-быть, не обвиняюсь съ нимъ. Вы рады, да? О, это очень можетъ-быть. Вы не пугайтесь прежде времени. Я буду такъ просто жить съ нимъ безъ вѣнца, но вамъ не дамъ его. Не дамъ. Нѣтъ. И онъ не придетъ къ вамъ никогда. Никогда Никогда. Никогда“.

Это ли не называется по-женски, залить за кожу яду, сколько влѣзетъ, и въ то же время у каждаго въ душѣ остается убѣжденіе, что когда умретъ этотъ всѣми ненавистный, всѣми покинутый филинъ, Петръ, женатый на Еленѣ Нико-

лаевнѣ (потому что, конечно, онъ ей нуженъ, какъ мужъ), съ удовольствіемъ унаслѣдуетъ презираемые имъ гроши, тѣмъ болѣе, что до этого наслѣдства ему придется жить на средства Елены Николаевны, а она вознаградитъ себя тогда и сошьетъ себѣ нѣсколько свѣтлыхъ кофточекъ, чтобы разсѣять меланхолію мужа. И философъ Тетеревъ говоритъ Безсѣменову: „Онъ не уйдетъ далеко отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, но онъ сойдетъ. Умрешь ты—онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить какъ ты: спокойно, разумно и уютно“.

Новая пьеса Горькаго „На днѣ“ и новый шумъ, буквально набатъ, и въ печати, и среди публики. Запрещеніе, дозволеніе, надежда увидѣть ее, полное разочарованіе и, наконецъ, вотъ пріѣзжаетъ труппа Станиславскаго, открыта подписка на билеты и вокругъ Малаго театра раскидывается станъ интеллигентной молодежи, способной переносить голодъ, холодъ, безсонныя ночи, лишь бы попасть на это „дно“, открытое Горькимъ.

А, между тѣмъ, пьеса эта безусловно ниже „Мѣщанъ“. Она не прославляетъ силы, не зоветъ на борьбу, какъ тирады Нила, но все-таки и она задаетъ вопросы, возбуждаетъ споры. Въ ней со-

браны типы босяковъ, уже давно знакомые по рассказамъ Горькаго. Да и босяковъ-то тамъ нѣтъ красочныхъ, солнечныхъ, тамъ просто воры, шулера, пропойцы или неудачники работы, загнанные въ „яму“. Есть тамъ Пепель, герой, напоминающій блѣдную тѣнь Нила, но это просто молодой, удалый воръ, которому все-таки хочется жить по-человѣчески, потому что, очевидно, кромѣ ночлежки, онъ хорошо знакомъ и съ участками, и съ тюрьмой, а можетъ-быть и съ безпощаднымъ битьемъ, которымъ такъ не стѣсняются дворники и обыватели, поймавшіе вора. Самъ жестокой отъ природы, порочный онъ тѣмъ не менѣе мечтаетъ о доброй и тихой Наташѣ. Очень можетъ быть, что потомъ, онъ, какъ босякъ Орловъ, тоже мечтатель, билъ бы свою жену и каблуками, и кулаками (при одномъ словѣ Наташи: „итти некуда... я знаю... думала“... Пепель отвѣчаетъ: „не пуцу, лучше убью“), но теперь ему не нужна прежняя любовница, сестра Наташи, красавица Василиса, хозяйка ночлежки, не потому что она порочна, а онъ добродѣтеленъ, что она зла, а онъ добръ, нѣтъ, просто въ силу того, что двумъ волкамъ въ одной норѣ не ужиться. Пепель и Наташа это — волкъ и ягненокъ. Пепель и Василиса это — два звѣря, которые рано или поздно должны перервать

другъ другу горло. Василиса подговариваетъ Пепла убить ея мужа. Пепель не соглашается, ему противна мысль преднамѣреннаго убійства старика, но черезъ нѣсколько часовъ, подъ вспышкой гнѣва онъ уже хватаетъ за горло мужа Василисы Костылева, и если бы не случайное присутствіе странника Луки, убійство было бы совершено, да онъ его и убиваетъ въ послѣднемъ актѣ и по обвиненію Василисы попадаетъ въ тюрьму. Наташа безцвѣтна, какъ Татьяна въ „Мѣщанахъ“, хотя еще мечтаетъ вяло и безформенно: „вотъ, думаю, завтра... прійдетъ кто-то... кто-нибудь... особенный... или случится что-нибудь... тоже небывалое... подолгу жду... всегда жду“... На активное движеніе у нее силъ нѣтъ и когда послѣ убійства она, обваренная своею сестрою сперва попадаетъ въ больницу, а потомъ исчезаетъ, то надо думать, что она попадаетъ именно на ту дорогу, за одну мысль о которой, Пепель уже хотѣлъ убить ее. Наташа слабо очерчена, какъ и сама она слаба внутреннимъ содержаніемъ; сестра ея Василиса, злая, страстная, подлая, мечтающая объ убійствѣ мужа, истязавшая и обварившая свою сестру, не дорожить и жизнью покинувшаго ее любовника, и своимъ обличеніемъ бросаетъ его въ тюрьму. Это самый ординарный типъ бабы-кулака. Сатинъ,

актеръ, баронъ, это все босяки, вольные и невольные, двумя, тремя степенями блѣднѣе уже описанныхъ Горькимъ въ его рассказахъ. Проститутка, мечтающая о студентѣ Гастонѣ въ лаковыхъ сапогахъ, съ леворвертомъ, типъ жалкій, трогательный, но давно уже использованный нашей литературой. Вниманіе зрителей останавливаетъ на себѣ странникъ Лука, благостный мечтатель, случайно попавшій на дно, но зрителя смущаетъ, что это лучший мужикъ, ушедшій отъ неправды жизни въ добровольное скитальчество, заставляетъ двухъ голодныхъ воровъ подъ направленнымъ дуломъ его ружья пороть розгами другъ друга самымъ беспощаднымъ образомъ и только затѣмъ даетъ уже имъ хлѣба, но если вспомнить, что у крестьянъ по приговору волостного суда до сихъ поръ существуетъ порка, то становится страшно за простую правду, что и лучший изъ крестьянъ, какъ Лука, также темень, также абсолютно глухъ къ чувству человѣческаго достоинства; онъ поступаетъ естественно, по-своему вразумляетъ виновныхъ и въ этомъ весь ужасъ. Сатину надобли человѣческія слова, но въ этомъ есть глубокий смыслъ: девятнадцать вѣковъ тому назадъ учитель задалъ людямъ урокъ, простой и короткій: „Люби Бога, люби ближняго“. Слова эти стали

обыкновенными человѣческими словами, ихъ повторяютъ всѣ, но гдѣ исполненіе этихъ словъ? Что жъ мудренаго, что можно возненавидѣть такія человѣческія слова и воскликнуть, какъ Сатинъ. „Ложь—религія рабовъ и хозяевъ, правда—Богъ свободнаго человѣка“.

Сатинъ даетъ обитателямъ ночлежки высшій урокъ любви къ женщинѣ, какъ къ человѣку. Мстя за поруганную честь сестры, онъ убиваетъ ея оскорбителя и попадаетъ въ тюрьму, гдѣ развращается, научается шуллерству и выталкивается на дно. И, не смотря на все это, въ немъ не умерла любовь къ сестрѣ, въ немъ не просыпается ни малѣйшей злобы къ ней, какъ къ виновницѣ его страданій. Онъ говоритъ: „Хорошая человѣчина была моя сестра“. Замѣьте, не женщина, а „человѣчина“, значитъ онъ на днѣ подонокъ общества, отдаетъ своей сестрѣ то право, которое отнимаютъ отъ насъ, женщинъ, многіе высшіе умы. Онъ признаетъ свою сестру за хорошаго человѣка, и въ этомъ чувствуется правда жизни... А вотъ, когда тотъ же темный Лука, который, смѣясь, рассказываетъ, какъ пороли другъ друга голодные бѣдняки, отвѣчаетъ Сатину на вопросъ: зачѣмъ живутъ люди,—цитатами изъ Шопенгауэра,

то уже чувствуется ложь и несообразность не въ отвѣтъ, а въ глубинѣ его.

„Зачѣмъ живутъ люди?“ — говоритъ Сатинъ.

Лука отвѣчаетъ: „А для лучшаго-то люди живутъ, милочекъ... Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, анъ выходитъ, что для лучшаго. По сту лѣтъ, а можетъ и больше для лучшаго человѣки живутъ“.

А Шопенгауэръ говоритъ: „Жизнь отнюдь не является подаркомъ, даннымъ для наслажденія, но задачею — отработать урокъ, а соотвѣтственно этому вездѣ мы устраиваемъ и въ большемъ, и въ маломъ всеобщую нужду, неустанный трудъ, неустанное стремленіе, нескончаемую борьбу, принудительную работу съ крайнимъ напряженіемъ всѣхъ жизненныхъ и духовныхъ силъ, течетъ кровь и потъ цѣлыхъ народовъ, дабы дать возможность единицамъ достичь цѣли“.

Лука же рассказываетъ актеру о домѣ съ мраморными полами, гдѣ излѣчиваютъ алкоголиковъ и о томъ, какъ одинъ каторжникъ въ Сибири, узнавъ отъ ученаго, сосланнаго туда же, что нѣтъ праведной земли, взялъ да и повѣсилъ. Забудемъ, что это говоритъ Лука, что говоритъ намъ авторъ, но какъ больно и страшно узнать, что нѣтъ праведной земли, когда мы всѣ — и малые и старые всю жизнь живемъ и умираемъ даже съ надеждой,

что если не мы, что хоть внуки . наши войдутъ въ праведную землю. Да, намъ нужна иногда ложь, ложь, которая своей радужной призмой удержала бы насъ отъ отчаянія и самоубійства.

И вотъ, хотя мы чувствуемъ, что всѣ герои пьесы „На днѣ“ не имѣютъ между собой ни связи, ни своего внутренняго міра, ни идеаловъ, ни силы къ работѣ, да не имѣютъ къ тому и никакого желанія, что вытащить ихъ оттуда нельзя, что ихъ не спасутъ ни больницы съ мраморными полами, ни праведныя земли, все-таки пьеса захватываетъ и въ сердцахъ многихъ имѣетъ громадный успѣхъ. Почему? Во-первыхъ, потому, что она—Горькаго, человѣка, снискавшаго симпатіи и восторгъ читателя, во-вторыхъ, потому, что ее долго запрещали, въ-третьихъ,—въ ней много хорошихъ, глубокихъ мыслей и есть пѣсня, которая такъ поется, что cadaго хватаетъ за сердце:

„Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно,
Дни и ночи часовые, да э-эхъ,
Стерегутъ мое окно.
Какъ хотите стерегите,
Я и такъ не убѣгу,
Мнѣ и хочется на волю, да э-эхъ,
Цѣпь порвать я не могу“...

Слушаетъ молодежь, кипитъ у нее сердце и не думаетъ она о томъ, что поютъ эту пѣсню не борцы за свободу, заточенные въ тюрьму, а мелкіе воры, пропойцы, которымъ Горькій приписалъ несомнѣ- стимыя съ ихъ понятіями идеи и чувства. Богъ съ ними, съ тѣми, кто поетъ, а тяжело и сладко тѣмъ, кто слушаетъ ее.

Самая обстановка пьесы „На днѣ“ производитъ громадное впечатлѣніе: „Подваль, похожій на пещеру, а въ окно заходитъ косыми лучами весеннее солнце“... А ремарки: „Шумъ на сценѣ гаснетъ, какъ огонь костра, заливаемый водою“. Вѣдь это прямо камертонъ.

Теперь остается только ждать, что дальше дастъ писатель, который началъ съ того, что бродилъ одиноко среди пустыхъ зданій и торговыхъ портовъ и думалъ о томъ, какъ хорошо быть сытымъ, а теперь получилъ европейскую извѣстность и обеспеченное состояніе. Когда-то онъ высказался въ рассказѣ „Однажды осенью“: — „Ей-Богу, душа голоднаго человѣка всегда питается лучше и здоровѣе души сытаго“.

Посмотримъ, чѣмъ будетъ питаться теперь, какія пѣсни дальше будетъ пѣть его душа, вполне сытаго человѣка.